

Я БЫ ЛЮБИЛ ТЕБЯ ВЕЧНО, ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ВЫБОР...

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ

18+

ЭММА СКОТТ

Эмма Скотт
Не оставляй меня
Серия «Freedom. Романтическая
проза Эммы Скотт»
Серия «Не оставляй меня», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57467192
Не оставляй меня: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110230-2

Аннотация

Я любил бы тебя вечно, если бы у меня был выбор... Джона: Мой мир был тусклым и бесцветным, пока в него не ворвалась ты: яркая, импульсивная, отчаянная. Именно ты научила меня жить в полную силу, ты исцелила мое слабое, истерзанное сердце. Помнишь, в ту ночь ты уснула у меня в машине? Тогда я не знал, что в тот момент началась вся моя жизнь, вернее, то, что от нее осталось... Кейси: На концертах я всегда была на высоте, но чувствовала себя точно осколок разбитого стекла. Каждый день – новый парень, новое место... То утро стало особенным. Я впервые увидела твое лицо, которое показалось мне таким добрым и до боли знакомым. Я ни о чем не жалею... и я не могу потерять тебя.

Содержание

Благодарности	5
Примечание автора	7
Посвящение	8
Плейлист	9
Часть 1	11
Пролог. Джона	11
Глава 1. Кейси	16
Глава 2. Кейси	26
Глава 3. Джона	36
Глава 4. Джона	48
Глава 5. Кейси	57
Глава 6. Кейси	72
Глава 7. Джона	86
Глава 8. Джона	103
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Эмма Скотт

Не оставляй меня

Emma Scott

Full Tilt

© Абмаева С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Я хотела бы выразить огромную благодарность следующим людям за их поддержку, любовь и солидарность. Каждый из вас приложил руку к тому, чтобы эта книга появилась на свет.

Л. Б. Симмонс, Анджеле Бонни Шокли, Офелии Александров, Мелиссе Панио-Петерсен, Натали Рэйвен, Элейн Глинн, Кэтлине Рипли, Дженнифер Балог и моему мужу Биллу – за его невероятную поддержку, за то, что присматривал за детьми, чтобы я могла спокойно писать, и особенно за веру в меня.

Огромное спасибо Колину Ленихану, доктору медицинских наук, за то, что поделился знаниями в области трансплантации сердца и хронического отторжения.

Все без исключения вольности, связанные с наукой, были допущены мной в целях усиления сюжета. Тем не менее я старалась следовать советам доктора Ленихана настолько, насколько это было возможно, чтобы сделать историю максимально реалистичной.

Большая благодарность Грегори Т. Глассу, который обучил меня прекрасному (и захватывающему дух) искусству выдувания стекла. Спасибо вам за то, что вы оживили мастерство Джоны.

Благодарю моих читателей-блоггеров, моих друзей в этом

замечательном сообществе... Честно, не знаю, что бы я делала без вас. Вы превращаете это невероятное, пугающее, чудесное путешествие в особое событие, и я ценю все, что вы делаете. Вы вдохновляете и поддерживаете меня, я всегда буду за это благодарна.

И, наконец, спасибо моему редактору, Суан Лакер. Ты разбираешься в моих ошибках, ты указываешь на подводные камни и придаешь смысл ценным моментам, ты даешь мне силы продолжать, когда я бьюсь головой о стену от страха и беспокойства. Я бы не справилась без тебя. Ты – Вселенная.

Примечание автора

Написать эту книгу было непросто. Я не стремилась рассказать эту историю. Но она не оставляла меня, несмотря на неудачи и трудности. Честно говоря, эта идея пугала меня до чертиков, но что-то внутри умоляло еѹ поделиться. Я верю, что любовные истории бывают разных видов и форм. Некоторые люди встречаются и влюбляются, у других возникают проблемы; некоторые упорно продолжают жить вместе, возможно, расстаются, а потом снова сходятся и находят покой в любви, которая у них была. Но что делать тем, кто влюбляется, когда трагедия уже маячит на горизонте и надвигается все ближе? Что означает любовь для тех, кто находится в конце своего пути?

Я искренне верю в идею «долго и счастливо». Для всех. Неважно когда, кто или как полюбил друг друга. Раз эта любовь существовала и они чувствовали ее – это стоит всего. Это невозможно победить.

Любовь всегда торжествует.

Посвящение

Помимо любовных отношений в этой книге речь идет и о братьях. Она посвящена моему брату Бобу, который однажды сказал мне: «Почему бы тебе не написать роман?» Сам того не подозревая, он отправил меня в это путешествие. Рассказывать любовные истории – мое призвание, и за это я буду ему вечно благодарна.

Плейлист

«Halsey» – Hurricane

«Chandelier» – Sia

«Yellow» – Coldplay

«My Heart Will Go On» – Celine Dion

«Like a River» – Bishop

«Free Fallin» – Tom Petty

«Chasing Cars» – Snow Patrol

«Spirits» – the Strumbellas

«Hallelujah» – Leonard Cohen (Rufus Wainwright cover)

«Lightning Crashes» – Live

Часть 1

Фул тилт (англ. full tilt) – в покере: играть, полагаясь на эмоции, а не на разум; принимать поспешные, нелогичные решения.

Пролог. Джона

15 месяцев назад...

Яркий белый свет ослепил меня. С трудом попытавшись держать глаза открытыми, я сдался и закрыл их снова. Я сконцентрировался на звуке аппарата, он не позволял мне окунуться в беспамятство. Этот пищавший звук был моим пульсом. Пульсом моего нового сердца, медленно бьющегося в груди. Еще вчера оно принадлежало двадцатитрехлетнему баскетболисту, которому не посчастливилось попасть в аварию недалеко от Хендерсона. А сейчас оно стало моим. Сознание было переполнено горем и благодарностью.

«Спасибо. Мне так жаль, но я очень благодарен...»

Боже, моя грудь. Ощущение было такое, будто наковальня свалилась прямо на меня, раздавив ребра. Где-то там, в глубине, ныло сердце. Сильная нарастающая боль в грудной клетке, которую открыли, словно шкаф, и закрыли вновь.

Я застонал. Из-за боли стон оказался громким.

– Он очнулся. Ты слышишь меня, милый?

Я снова заставил глаза открыться, белый свет в палате был слишком ярким.

«Возможно, я мертв».

Белизна больничных простыней и резкий свет флуоресцентных ламп обжигали мне глаза, но через некоторое время стало легче. Силуэты приобрели форму. Родители нависли надо мной. Глаза матери были влажными от слез. Она протянула руку, чтобы убрать прядь волос с моего лба и поправила носовой катетер, хотя скорее всего с ним было все в порядке.

– Выглядишь чудесно, дорогой, – ее голос дрожал.

Меня словно переехал товарный поезд, а еще до операции я был смертельно болен уже несколько недель. Но она не имела в виду, что я выгляжу хорошо. Мама хотела сказать, что я выгляжу живым.

Мне удалось улыбнуться. Ради нее.

– Ты хорошо справился, сын, – сказал отец, – доктор Моррисон сообщил, что все в полном порядке, – он натянуто улыбнулся и отвернулся, кашляя в кулак, чтобы скрыть свои эмоции.

– Тео? – прохрипел я и поморщился от резкой боли в груди. Я неглубоко вздохнул и посмотрел налево, пытаясь отыскать брата. Он сидел, скорчившись в кресле и положив руки на колени. Сильный. Надежный.

– Эй, бро, – сказал он, и я услышал наигранную легкость

в его низком голосе, – мама разыгрывает тебя. Выглядишь ты дерьмово.

– Теодор, неправда. Он выглядит прекрасно, – сказала мама.

У меня не было сил пошутить над братом. Я смог лишь выдавить из себя улыбку. Тео улыбнулся в ответ, но вышло как-то натянуто и сухо. Я знал своего брата лучше, чем кто-либо. Я знал, его что-то гложет. Гнев полыхал в нем, как костер, и сейчас это пламя разгоралось.

«Почему?...»

Я обвел взглядом комнату и догадался.

– Одри? Где она?

Атмосфера стала напряженной, и мама подскочила, будто ее укололи. Присутствующие стали обмениваться взглядами, словно над моей кроватью запорхали птицы.

– Уже поздно, – проговорил отец, – она ушла домой.

Мой отец был членом городского совета, и он включил свой голос политика, тот самый, который использовал, когда ему нужно было сказать неприятную правду приятным образом. Мама, воспитательница в детском саду, мастерски владевшая искусством утешения, вмешалась:

– Но сейчас тебе необходим сон. Засыпай. Ты почувствуешь себя гораздо лучше после отдыха. – Она поцеловала меня в лоб, – я люблю тебя, Джона. Все будет хорошо.

Папа обнял маму за плечи.

– Давай дадим ему отдохнуть, Беверли.

Я отдыхал. Я постепенно проваливался в прерывистый, пропитанный болью сон, пока медсестра не поставила мне капельницу. Только после этого я крепко заснул.

Когда я проснулся, Тео был в палате. Одри не было. Мое новое сердце глухо и тяжело забилося. Адреналин снова мог ударить в кровь, или какой там гормон вырабатывается, когда заканчивается то, что, как вам казалось, будет длиться вечно.

– Где она? Скажи мне правду.

Тео знал, о ком я.

– Она улетела в Париж вчера утром.

– Ты говорил с ней? Что она сказала?

Он подвинул стул ближе.

– Какая-то идиотская слезливая история. Будто это была мечта ее жизни и все такое... – его взгляд блуждал по комнате.

– Это не так, – сказал я.

– Она не могла так просто все разрушить, – он провел рукой по волосам. – Черт, не нужно было вообще ничего говорить.

– Нет, – я покачал головой, – я рад, что ты сказал мне. Мне нужно было это услышать.

– Мне так жаль, бро. Три года. Ты отдал ей три года, и она просто...

– Все в порядке. Так даже лучше.

– Лучше? Как, черт возьми, это может быть лучше?

Мои веки налились тяжестью, и мне захотелось закрыть глаза и на некоторое время погрузиться в забытие. У меня не было сил сказать, что у меня нет ненависти к Одри за то, что она бросила меня.

Я предвидел, что это произойдет. Уже больной, с отказывающим сердцем, я видел, как она дергалась и подсакивала, бросая взгляд на дверь, прокладывая путь к спасению от моей болезни и жизни, которая мне досталась. И все-таки было больно — я чувствовал каждый год из этих трех лет, что мы были вместе, словно нож, вонзающийся в мое новое сердце. Но я не ненавидел ее. Я не ненавидел ее, потому что не любил. По крайней мере, не так, как я хотел бы любить женщину — отдавая все, что у меня было.

Одри ушла. Тео мог ненавидеть ее вместо меня. Мои родители могли поражаться ее жестокостью от моего имени. Но я отпустил ее, потому что в тот момент не знал, что она будет последней...

Глава 1. Кейси

Июль, ночь субботы

Я была пьяна.

Иначе зачем я держала в руке мобильник, с большим пальцем, зависшим над домашним номером моих родителей в Сан-Диего?

«Пьяные звонки. Но только не бывшему».

Я фыркнула, смеясь. Хотя это больше походило на всхлип, эхом разнесшийся по лестничной клетке. Я сидела в темном, узком пространстве, подтянув колени к груди, стараясь казаться меньше. Мне хотелось превратиться в невидимку. По ту сторону цементной стены я слышала приглушенные крики и свист трех тысяч человек, ожидавших, когда на сцену выйдут Rapid Confession. Наш менеджер, Джимми Рэй, дал нам десятиминутный перерыв добрых двадцать минут назад, и мои товарищи по группе, вероятно, искали меня. Я сделала глоток из бутылки с водой Evian, на три четверти наполненной водкой, потому что вот такая я умная, и задумчиво посмотрела на свой телефон. Я подбадривала себя, чтобы взять и позвонить. Но предупредила себя, что не стоит этого делать, лучше просто убрать телефон и присоединиться к группе в зеленой комнате¹. Тогда мы вышли бы на сце-

¹ Зеленая комната – это пространство в театре или подобном месте, которое

ну, отыграли очередной концерт, на который были распроданы все билеты. Я бы чертовски прославилась, заработала серьезные деньги и продолжала бы развлекаться с разными парнями каждую ночь.

Потому что это рок-н-ролл.

Шутка. Я не была воплощением рок-н-ролла. Хотя и выглядела соответственно. Особенно сегодня вечером, в мини-юбке, сапогах до бедер и бюстье. Волосы, обесцвеченные почти до белизны, вились вокруг плеч как у идеальной пинап герл. Накрашенные красным губы, черная подводка вокруг глаз. Татуировки украшали мою кожу и подчеркивали стиль гранж, но были не просто частью образа. Это была настоящая я.

Я была одета по случаю, но чувствовала себя осколком стекла, разбитого вдребезги. Я уже не знала, кем или чем являюсь, но, по крайней мере, красиво сверкала в свете прожекторов.

Я сделала еще глоток водки, чуть не выронив телефон. Неаккуратно схватила его в попытке поймать, и когда подняла, обнаружила, что случайно нажала кнопку вызова.

«Вот черт...»

Пришлось медленно поднести телефон к уху. Мама ответила после третьего гудка.

– Здравствуйте, резиденция Доусон.

является залом ожидания и комнатой отдыха для исполнителей до и после представления.

У меня сердце ушло в пятки. Я открывала и закрывала рот, но не могла издать ни звука.

– Алло?

– Я...

– Я могу вам чем-то помочь?

«Она сейчас бросит трубку!»

– Эй, мам. Это я. Кейси.

– Кассандра.

Я ненавидела это имя, меня так не называл никто уже несколько лет. Но в голосе матери слышалось облегчение, когда она его произносила. Я чувствовала это.

– Ага, привет! – кажется, я сказала это слишком громко. – Как э... Как у вас дела?

– У нас все хорошо, – теперь ее голос звучал слишком тихо, будто наш разговор подслушивали, – откуда ты звонишь?

– Из Лас-Вегаса, мы в туре. Я и моя группа – Rapid Confession. На сегодняшний концерт раскупили все билеты, вторую ночь подряд. На самом деле, аншлаги практически каждое шоу. Это очень неплохо. Кажется, мы становимся популярными.

– Я очень рада за тебя, Кассандра.

Сквозь эти слова я чувствовала влияние на нее моего отца. Мать говорила словно робот, которого запрограммировали на определенные фразы.

– А наш последний сингл? «Talk me down»? Ну... – я прикусила губу. – Он на шестом месте в чарте Billboard. И я...

Ну, я написала его, мам. Ну, то есть моя группа и я написали это, но слова... слова написаны мной. И «Wanderlast»? Я тоже сама написала эту песню. Она на двенадцатом месте.

Ничего.

Я сглотнула.

– Как папа?

– Он в порядке, – теперь мама практически шептала.

– Он рядом?

Мама вздохнула.

– Кэйси... Ты в безопасности? О тебе есть кому позаботиться?

– Я сама о себе позабочусь, мам. И я успешна. Эта группа... мы сейчас на вершине.

Боже, я ненавидела это. Жалкий тон моего голоса, хвастовство достижениями группы, просьбы радоваться нашему успеху, когда на самом деле мне просто нужно было чувствовать себя любимой. Это напоминало жажду, которую никак не получалось утолить. Отчаянный голод, который скручивал и сдавливал мои внутренности в ненасытные узлы, которые я не могла распутать.

Кажется, я никогда не смогу подавить этот ужасный аппетит. Только утопить его в алкоголе на некоторое время и высвободить с рвотой на следующий день.

– Мам, просто скажи папе...

– Кэйси, мне нужно идти.

– Подожди, можешь дать ему трубку? Или просто... Ска-

жи ему, что ты разговариваешь со мной сейчас. Просто сделай это, мам. Интересно, что он скажет.

Тишина.

– Не думаю, что это хорошая идея, – наконец сказала она. – Последнее время он такой... радостный. Никаких разочарований. Не хочу тревожить его.

– Он все еще злится на меня? – мой голос дрожал. – Прошло четыре года. Я же даже не с Четтом больше.

Четт кинул меня в Лас-Вегасе четыре года назад, оставив без гроша в кармане и с разбитым сердцем. Тур по всей стране, контракт на запись, бесчисленные свидания на одну ночь, две новые татуировки, и вот я снова стала непредсказуемым ребенком, умоляющим родителей простить меня.

Я с огромным трудом сдерживала слезы.

– Я же говорила, мам. Ты сказала ему? Ты говорила отцу, что я была бездомной, что мне приходилось спать на улице после того, как он выгнал меня? Бездомной, мам. Мне было, черт побери, семнадцать лет.

Я слышала, как громко она сглотнула, подавляя слезы, эмоции и все, что она хотела сказать, но никогда не смела. Она ничего не сказала отцу обо мне, кроме того, что я жива, что она слышала обо мне, что у меня все хорошо. Она придерживалась своего сценария, независимо от того, сколько раз я просила ее отступить от него.

– Тебе нужно было подумать, прежде чем тащить этого мальчика в дом, – мама пыталась сделать голос более твер-

дым, — ты знала, как это расстроит твоего отца.

— Его расстраивало все, что я делала, — я плакала навзрыд, мой голос разносился по лестничной клетке. — Все, что бы я не предпринимала в жизни, было не достаточно хорошо для него. Да, я знала, что приводить Четта домой было чертовски плохой идеей, но я хотела, чтобы меня на этом поймали. Знаешь почему? Потому что тогда отец поговорил бы со мной. И тебе не кажется, что это чертовски грустная история? С ним просто хотела поговорить его дочь. Его собственный ребенок.

— Кассандра, мне нужно идти. Я скажу твоему отцу, что ты звонила и...

— И что у меня все хорошо? — Мне было больше нечего сказать. — Не просто хорошо, мам, — огрызнулась я, вытирая нос тыльной стороной ладони. — Мы чертова сенсация! Нас ждет что-то большее...

— Ты же знаешь, меня не задевает твой тон, Кассандра. — Ее голос стал холодным, она будто выстроила ледяную стену между нами. Но я не могла остановиться.

— Скажешь отцу это, хорошо? Скажи ему, что я сделала это сама, без его помощи или разрешения или... или его чертового дома!

— Я бросаю трубку, Кассандра.

Я затаила дыхание. Теперь я жалела о каждом сказанном слове. Мне необходимо было еще раз услышать ее голос.

— Мам, подожди. Прости. Я не хотела, прости...

На том конце было тихо, и я уже было подумала, что она, и правда, бросила трубку, пока не услышала, как она сделала судорожный вдох.

Я выдохнула и закрыла глаза.

– Прости. Скажи отцу... – слезы полились сами по себе, – скажи отцу, что я люблю его. Хорошо? Пожалуйста.

– Я скажу, – она пообещала, но я ни на секунду ей не поверила.

– Спасибо, мам. И тебя я тоже люблю. Как дела у...?

– Мне нужно идти. Береги себя.

Теперь она действительно бросила трубку.

Еще несколько секунд я пялилась в свой телефон. Слезы, не переставая, текли по щекам. Я подумывала нажать кнопку вызова снова. Я бы позвонила еще раз, извинилась за свои слова. Или можно было позвонить и сказать, что мне совсем, черт побери, не стыдно, что я никогда им больше не позвоню. Что мне плевать на них точно так же, как им на меня.

«Плевать ли им на меня?»

От этой мысли у меня защемило сердце. Нет, не совсем плевать. Мама не прервала разговор сразу. Ей все еще нужны мои звонки. Я знала. Но если я больше не позвоню ей, она поступит точно так же. В этом я была уверена. Она играла роль стороннего наблюдателя в жизни своего ребенка.

Я прислонилась к бетонной стене. Чувствовалось, как толпа на другой стороне становится беспокойной. Казалось, будто надвигается гроза. Если мы не выйдем на сцену в ближай-

шее время...

Мне срочно была нужна сигарета.

Я вытащила из ботинка потрепанную мягкую пачку и прикурила от спичечного коробка, завернутого в целлофан.

Глубоко затянулась, выдохнула и прижалась к стене, измотанная слезами, которые копились все эти четыре года. Теперь они угрожали разразиться моей личной грозой. Я пыталась их сдержать, проглотила, обернула дымом и запихнула глубоко внутрь, где они залегли тяжелым свинцовым грузом.

«Мой собственный отец даже не хочет со мной поговорить».

Я снова начала вертеть эту мысль в голове. «Ну и что? Кому какая разница, что он думает. Ему было плевать все двадцать два года, почему я должна заботиться его сейчас? Пошел он».

Смелое высказывание. Только на самом деле я была готова отдать все, чтобы просто услышать его голос, пусть даже он будет пропитан разочарованием или злостью. Узнать, что он скучает по мне, любит меня. Чтобы он сказал, что я могу вернуться домой в любое время, когда захочу, и дверь будет всегда открыта.

Но он запер эту дверь, может быть, навсегда, и фундамент, на котором я стояла, рассыпался в прах.

По ту сторону стены ревела толпа. Они жаждали увидеть нас. Они любили меня.

И, как бы сказала Рокси Харт², я люблю их за то, что они любят меня. Я сделала еще глоток водки и поднялась на ноги как раз в тот момент, когда Джимми Рэй распахнул дверь над моей головой, обезумевший и взвинченный.

Нашему менеджеру было лет сорок пять, и у него уже начинали редеть волосы. Костюм от бесменного Армани – с тех пор, как три месяца назад мы подписали контракт с заурядной студией звукозаписи – слегка болтался на его долговязой фигуре. Его дикий взгляд остановился на мне, и он рухнул на стену с преувеличенным облегчением, прижав руку к сердцу.

– Боже, детка, ты что, хочешь, чтобы меня удар хватил? Концерт должен был начаться полчаса назад.

Я потушила сигарету каблуком сапога и изобразила на лице улыбку.

– Извини, Джимми. У меня был важный телефонный разговор. Но все в порядке. Я готова надрать всем зад.

– Рад слышать. Толпа, кажется, сожрет нас живьем, если мы сейчас же не появимся там.

Я прошла мимо него, но он остановил меня и, положил руку мне на подбородок, вглядываясь в лицо.

– Ты плакала?

У меня перехватило дыхание. Джимми Рэй не являлся нашим вторым отцом, но он был добр к нам. Добр ко мне. Я почувствовала, что начинаю слабеть, окутанная его добро-

² Рокси Харт – героиня пьесы Морин Уоткинс «Чикаго».

той, мне захотелось рассказать ему все...

– Твой макияж испорчен. Поправь его перед выходом, хорошо?

Я молча кивнула.

– Молодец, девочка.

Он легонько шлепнул меня по заднице, чтобы я двигалась, и последовал за мной в зеленую комнату, где ждали остальные.

Глава 2. Кейси

Все они были в полной концертной экипировке: кожа, винил и куча массивной бижутерии. Вайолет, наша басистка, зачесывала волосы набок, открывая маленькую черную татуировку ворона на выбритой коже головы над ухом. Она кивнула мне и показала знак мира.

Лола, моя лучшая подруга, сидела в глубоком кресле, ловко вращая барабанными палочками. Она вскочила и подошла ко мне, всматриваясь в мое лицо сквозь копну черных волос с ярко-синими прядками. Жесткий и наблюдательный взгляд ее темных глаз был полон беспокойства.

– Ты в порядке? Куда ты пропала?

От ответа меня избавила Джинни, наша солистка. Она распевалась, но остановилась на середине гаммы.

– Реально, что за дерьмо, Кейси? – ее глаза, подведенные черным, устремились на меня. Она была хорошенькой девушкой, нашим бесстрашным лидером. Или могла бы им быть, если бы не вечно нервное выражение лица.

Я почувствовала на себе всю тяжесть комнаты, воздух в ней был пропитан обвинениями, и атмосфера казалась угнетающей. Я скрестила руки на груди и симитировала сдавленный голос пожилой дамы со Среднего Запада.

– Привет, Джинни, кто тебя достает на этот раз?

Лола хихикнула, а Вайолет приглушила смех рукой.

– Кто меня достает? Ты... – замешательство Джинни сменилось раздражением. – Подожди, ты опять цитируешь какой-то дурацкий фильм?

– Дурацкий? – произнесла я излишне драматично. – «Выходной день Ферриса Бьюллера»³ – классика! Национальное достояние...

Джинни взмахнула рукой, ее браслеты зазвенели.

– Да как угодно. Если бы ты только уделяла группе столько же времени, сколько вечеринкам и просмотру реликвий 80-х...

– Да брось, Джинни, – вздохнула Вайолет. – Давайте не будем разводить эту фигню прямо перед шоу. Она здесь. Ну да, мы опаздываем, как положено рок звездам. И что с того?

Лола закивала.

– Только новички начинают вовремя. Она готова надрать зад, да, Кейс?

– О, перестань нянчиться с ней, ради бога, – огрызнулась Джинни на Лолу, и тогда Джимми подскочил и оттащил ее в сторону, что-то тихо ей говоря и успокаивая.

– Маленькая засранка, – пробормотала я себе под нос.

Вайолет расхохоталась, но глаза Лолы метнулись к моей бутылке с «водой». Она была человеком-алкотестером. Я быстро выбросила бутылку в мусорное ведро, пока она не пронюхала о ее содержимом и не прочитала мне еще одну

³ «Выходной день Ферриса Бьюллера» – американский комедийный фильм 1986 года режиссера и сценариста Джона Хьюза.

лекцию. Водка уже начала действовать, отбрасывая меня на один гигантский шаг от реальности, теперь я будто оказалась за стеклом.

– Давайте не будем ссориться, девушки, – упрекнул нас Джинни, выводя Джинни обратно в центр зеленой комнаты. – Три тысячи фанатов ждут.

– Он прав, – сказала Джинни и изобразила на лице то, что мы называли «физиономией бесстрашного лидера»: она жестко и серьезно посмотрела на всех по очереди, – нам нужно сосредоточиться и показать им лучшее выступление в нашей жизни. В круг!

Мы образовали кольцо в центре зеленой комнаты, держась за руки, пока Джинни бормотала что-то невнятное. Вайолет была буддисткой, Лола – атеисткой, поэтому групповая молитва была больше направлена на то, чтобы соединить нашу энергию, быть благодарными за предоставленные возможности и настроить нас четверых друг на друга, чтобы мы могли играть как единое целое.

«То ли это, чего я хочу на самом деле?» Я размышляла, пока Джинни бубнила что-то позитивное. Я подозревала, что ответ будет отрицательным, но думать об этом сейчас было бы слишком. Лола рассчитывала на меня. Если бы не она, я все еще жила бы на улице. Она взяла меня к себе после того, как Четт смылся, и мы добились всего вместе. Ей нужно было, чтобы я не облажалась, и мне действительно не следовало.

– Забудьте все остальные шоу, – Джинни продолжала говорить все эти типичные для музыкантов фразы. – Забудьте, что мы в туре уже несколько месяцев. Эти фаны заслуживают лучшего, так что давайте отправимся туда и выступим так, как будто это наш первый день. Кровь, пот и слезы, дамы.

Мы закричали для поднятия боевого духа и отправились на сцену.

Лола отвела меня в сторону.

– Ты в порядке? На самом деле?

– Конечно, в полном.

– Где ты была?

– Ох, я... я звонила родителям.

Плечи Лолы опустились, и она прикрыла глаза рукой.

– Вот дерьмо. Нет, нет, нет. Я же говорила тебе, что пора сдать. Эти разговоры всегда заканчиваются одинаково, Кейс. Каждый раз. Ты расстраиваешься, а потом напиваешься еще больше, чем обычно.

– Нет, нет, все было замечательно! Ну, я разговаривала только с мамой, но... папа сказал «привет». Я слышала. Это уже начало, так ведь?

«До чего ты докатилась? Врешь своей лучшей подруге, после всего, что она для тебя сделала».

Лола выглядела шокированной.

– Правда? Он говорил с тобой?

– Он поздоровался, Лола. Правда.

Девушка внимательно взглянула на меня и, наконец, смягчилась.

– Это прекрасно, Кейс, – она обняла меня, – я так рада за тебя. На самом деле, я начала волноваться. Ты постоянно тусуешься и спишь с разными парнями каждую ночь.

– Не каждую. У меня бывают периоды тайм-аута. Как во вторник, например.

Лола фыркнула.

– Пойдемте, девочки, – Джимми появился в дверном проеме, – Они ждут.

Я одарила Лолу ободряющей улыбкой.

– Мы надерем всем задницу сегодня, я обещаю.

– Я бы хотела, чтобы ты пообещала не тусоваться чертовски сильно после выступления. Может, хотя бы так ты запомнишь, как именно мы всех сделали.

Я притворилась оскорбленной.

– Это наименее рок-н-рольная вещь, которую я когда-либо слышала в своей жизни. Кит Ричардс⁴ перевернулся бы в гробу, если бы услышал, что ты говоришь.

Улыбка тронула губы Лолы.

– Кит Ричардс жив вообще-то.

– Ну, вот видишь? Не о чем волноваться.

Она закатила глаза и засмеялась, приобняв меня одной рукой. Как всегда, будто защищая.

Хьюго Уильямс, глава службы безопасности клуба, по-

⁴ Кит Ричардс – гитарист британской рок-группы The Rolling Stones.

явился в дверях зеленой комнаты, чтобы проводить нас на сцену. Его темные глаза были теплыми и добрыми, когда он улыбнулся мне, а зубы ярко выделялись на фоне темной кожи.

– Привет, Хьюго, – сказала я, когда мы вышли.

– Привет, милая, – сказал он своим баритоном.

Это была только наша вторая ночь в этом клубе, но Хьюго казался очень внимательным ко мне, стараясь изо всех сил, чтобы я чувствовала себя в безопасности.

Джимми положил руку мне на голое плечо.

– Похоже, сегодня вечером будет шумно, Хьюго.

Я улыбнулась телохранителю:

– Хьюго позаботится обо мне. Он мой герой.

Большой телохранитель кивнул, отдал честь, как настоящий солдат, и отправил нас на сцену. Мы двинулись по извилистым задним коридорам с трубами, идущими вдоль потолка. Наши шаги по цементному полу отдавались эхом. Джимми повернулся ко мне:

– Ты готова?

– Готова с рождения, Джимми.

– Узнаю свою девочку.

Я присоединилась к остальным на небольшом лестничном пролете, который вел на сцену. Поднялся рев – толпа отреагировала на ведущего, взявшего микрофон.

– Лас-Вегас! Вы готовы к Rapid Confession?

Еще одна волна звука, словно лавина, разрывающая стены

зала.

Дверь открылась, темный прямоугольник сверкнул огнями сцены. Мы поднялись по короткой лестнице и вышли к зрителям. Моя красная гитара Fender ждала на подставке. Я перекинула ремень инструмента через плечо и увидела, как Джинни кивнула мне и выдавила нервную улыбку – в знак мира. Я кивнула и улыбнулась в ответ, принимая его. Лола стукнула своими барабанными палочками над головой в четыре счета, чтобы приступить к «Talk me down».

Я играла от всего сердца. Это была песня, написанная мной для самой себя. Гимн всему, что пугало меня в жизни: куда я иду и что я делаю с собой. Никто не знал, что это песня принадлежит мне. Я подпевала Джинни. Но когда я играла свою партию, я вкладывала всю душу. Музыка вскрыла мою грудь, содрала кожу с ребер и показала миру все, что было внутри.

Я просто убила всех своим соло. Весь алкоголь, который я выпила на пустой желудок, превратил огни сцены в размытые белые шары. Лица в толпе слились воедино, став одной ревущей, бурлящей, наэлектризованной массой. Я наполнялась энергией, впитывая их крики одобрения и выплескивая ее обратно с каждым аккордом, пока мои пальцы не начали кровоточить, и в конце шоу я чуть не разбила гитару об сцену.

Когда финальные ноты последней песни, прозвучав в воздухе, исчезли, толпа просто сошла с ума. Я светилась, как в

День независимости, бегала по краю сцены и «давала пять» зрителям в первом ряду. Они схватили меня и потащили через край сцены. Я хохотала без остановки, катаясь на волнах обожающих рук, пьяная до чертиков, под кайфом от того, что меня любят.

Хьюго и его команда протолкнулись сквозь толпу, стащили меня вниз и повели наружу. Но я не хотела, чтобы это заканчивалось. Я крикнула в зал:

– Я так вас всех люблю! Пойдемте со мной... – я указала на случайных незнакомцев. – Пойдемте же! Давайте продолжим веселье...

Хьюго потащил меня в зеленую комнату, где группа праздновала окончание концерта. Шампанское брызнуло в воздух золотыми пенистыми всплесками. Я выхватила у кого-то бутылку и одним глотком осушила половину.

– Они со мной! – крикнула я охране, чтобы они впустили небольшую толпу, которую я пригласила.

Десятка два людей вошли в комнату. Остальные были слишком увлечены головокружительным успехом шоу, чтобы их волновало присутствие посторонних. Джимми выглядел так, словно вот-вот взлетит.

Отбросив шампанское в сторону, я наугад схватила бутылку с длинного стола, уставленного напитками и едой. «Егермейстер⁵».

«Смелый выбор», – подумала я со смехом и издала хрип-

⁵ «Егермейстер» – немецкий крепкий ликер, настоянный на травах.

лый возглас, когда напиток обжег мне горло. Комната, заполненная моими новыми друзьями, радостно заулюлюкала в ответ. Повсюду странные лица, которые были мне незнакомы, которые я даже не вспомню завтра. Они были здесь ради музыки, бесплатной выпивки и развлечений, и я была их божеством. Я забралась на стол, и они заплодировали мне, подняв свои бутылки вверх.

«Они любят меня».

Комната начала вращаться, будто карусель. Внутри было слишком тесно. Воздуха не хватало. Охрана пыталась протиснуться сквозь стену тел. Стакан разбился. Кто-то в толпе радостно воскликнул, кто-то ругнулся.

Лола крикнула мне, чтобы я слезала, пока не сломала себе что-нибудь, а затем я затерялась в толпе. Огромная, неуклюжая фигура Хьюго раздвинула море людей, словно Моисей. Я попыталась поднести изумрудно-зеленую бутылку к губам, чтобы сделать последний глоток. Вечеринка гремела, и я хотела достичь дна и разбиться на миллион осколков.

Слова отца, сказанные четыре года назад, звучали в моей голове с такой же ясностью, как если бы это было вчера: «Убирайся! Убирайся из моего дома!»

– Нет, – затем громче, запутавшись в словах, неуклюже добавила: – Ты убирайся. Это мой дом. Мой.

Я подняла свою бутылку вверх:

– Это мой дом! – я закричала, и сотни миллионов голосов вняли, фаны подняли свои бутылки, подбадривая меня, пока

звук не прорвался сквозь меня, как ветер сквозь папиросную бумагу.

Я засмеялась или, может быть, заплакала, а потом отшатнулась в сторону. Бутылка с ликером выскользнула из моих пальцев как раз в тот момент, когда я упала со стола прямо в руки Хьюго. Мой взгляд скользнул по его черной футболке, а потом темнота перед глазами поглотила меня целиком.

Глава 3. Джона

Вывеска над моей головой мигала и мигала. То красным, то белым. *Клуб Рону*. Края металла проржавели, и три лампочки по краям не горели. Выглядело дешево. Ярко и безвкусно. Таких клубов полно в Вегасе. Но когда я прищурился...

Свет стал размытым, и я представил себе шары из белого и красного стекла. Может быть, стеклянные бусины. Связка их скреплена проволокой, образуя букет. Мне казалось, что красные бусины вытягиваются в лепестки. Пуансеттия с дыханием белого ребенка на ней. Рождественский букет из стекла, который никогда не будет нуждаться в поливке. Моей маме понравилось бы. Или Дэне. Я начал вытаскивать потрепанный маленький блокнот, который держал в кармане рубашки, чтобы записать идею, но остановился.

Рождество было шесть месяцев назад.

Мягкая боль попыталась проникнуть внутрь, но я смял ее с привычной легкостью, как кусок жвачки под столом.

«Придерживайся заданного распорядка».

Я опустил руку и оставил блокнот на месте.

В клубе становилось шумно. Шоу предположительно закончилось час назад, но крики и вопли какой-то эпической вечеринки были громкими и отчетливыми, хотя их и приглушала цементная задняя стена зала.

Я вытащил сотовый телефон из переднего кармана своих форменных брюк, чтобы узнать, сколько времени. Было около часа ночи. Лимузин заказали только до двух, но я уже мог предположить, что этой ночью меня ждут сверхурочные.

Но какая разница, если даже я задержусь на работе? Я и так немного сплю в последнее время, и деньги лишними не будут. Я останусь до тех пор, пока группа и их менеджер не выйдут из зала, полностью опустошенные, с сильным алкогольным амбре, а потом отвезу их обратно в мега-особняк в Саммерлине, откуда забрал их в пять вечера.

Плюс работы ночным водителем заключался в том, что остается время для дневной работы. Недостатком являлось время, которое я вынужденно бездействовал. Так много пустых часов, проведенных в ожидании, когда мой заказчик закончит ужин или шоу, или, наконец, выйдет из казино, пахнущий выпивкой и дымом и, чаще всего, оплакивая свои потери за столами блэкджека или покера.

Водители лимузинов, как правило, собирались вместе на мероприятиях, выстраиваясь в шеренгу из черных или белых гладких автомобилей. Я видел одни и те же лица на разных работах, и некоторые из них являлись моими коллегами в A-1 Limousine. Но мне нельзя было курить, а заводить новых друзей не хотелось. Я был наедине с собой, следовал своему распорядку.

Я откинулся на машину и посмотрел вверх. Никакие звезды не могли быть ярче огней Вегаса. Мне приходилось ждать

похода к Большому Бассейну⁶, который устраивает мой лучший друг через несколько дней, чтобы увидеть настоящие звезды. Но Стрип⁷ тоже был своего рода созвездием. Буйство ярких неоновых красок и сверкающих огней. Это казалось по-своему красивым, если не смотреть вниз.

У моих ног, в сточной канаве между улицей и тротуаром, валялись окурки сигарет, смятый стакан из-под безалкогольного напитка Dairy Queen и флаер для стрип-шоу поблизости. Разбитое стекло блестело зеленым под уличным фонарем.

Один из водителей лимузина подошел ко мне.

– Есть сигареты?

Этот парень был молод. По крайней мере, точно моложе моих двадцати шести. Пот выступил у него на лбу, и он с надеждой смотрел на меня. Даже в такую летнюю жару на нем все еще была униформа: темно-бордовая куртка из полиэстера с золотой окантовкой. Новичок. Моя куртка лежала на переднем сиденье с тех пор, как группа и их менеджер покинули лимузин почти восемь часов назад.

– Извини, старик, не курю.

«Извини» было кодовым словом для завершения разговора, но этот парень, кажется, не понял.

⁶ Большой Бассейн – пустынное нагорье на западе Северной Америки, самое большое объединение территорий с бессточными впадинами на континенте.

⁷ Лас-Вегас-Стрип – участок бульвара Лас-Вегас в округе Кларк в штате Невада, США. Там находится большинство крупнейших гостиниц и казино агломерации Лас-Вегаса.

– Черт, мои сигареты закончились час назад, – пробормотал он. На его бейдже было написано «Тревор». – Хей, а кого ты привез? Я вот сегодня водитель для кучки богатеньких шестнадцатилеток, которым захотелось посмотреть выступление Rapid Confession. – Он рассмеялся, – избалованные богатые детки, что может быть хуже?

– Даже представить не могу, – пробормотал я.

Мой телефон завибрировал, пришло сообщение. Вероятно, мой брат Тео с ежечасной проверкой. Я вытащил телефон из кармана брюк. Да.

Как дела? Все хорошо?

Закатив глаза, я сделал скриншот нашей переписки час назад: точно такое же его сообщение и мой ответ, что я в порядке. *Отправить.*

Козел.

Я ухмыльнулся.

Ты так легко бросаешься ругательствами. Иди спать, Тедди. Я позвоню утром.

– Интересно, кто группу привез, – сказал Тревор, оглядывая вереницу лимузинов, – если бы у меня были эти девчонки, это было бы эпично. Это сделало бы мою ночь.

Пришло еще одно сообщение: на этот раз фото со средним пальцем Тео. Он ненавидел, когда я называю его Тедди. Практически так же сильно, как я ненавидел, когда парни называют женщин сучками.

Я повернулся к Тревору, чтобы сказать ему, чтобы тот

убирался, когда задняя дверь клуба с грохотом распахнулась, и звук хриплого смеха, криков и разбитого стекла выплеснулся на улицу. Огромный телохранитель поспешно вышел с обмякшим телом девушки на руках. Ее кожаная юбка задралась до бедер, а голова свесилась так, что светлые волосы рассыпались по руке здоровяка.

Я слегка оттолкнул Тревора и открыл пассажирскую дверь лимузина. Телохранитель не сбавил шага, а наклонился, чтобы уложить девушку внутрь, на длинное кожаное сиденье напротив двери.

Тревора втянул в себя воздух.

– Это она! Эта блондинка... гитаристка Rapid Confession, – он посмотрел на меня, будто я был героем, – они твои клиенты?

Телохранитель вышел из лимузина и навис над Тревором, сжав руки в кулаки:

– Разве это твое дело?

Парень съежился и попятился.

– Н-нет, сэр.

– Скажешь ли ты кому-то о том, что видел?

– Нет, сэр, не скажу.

– Правильный ответ, – он повернулся ко мне, – отвези ее домой. Быстро. Пока папарацци не набежали. Там буйство какое-то. – Он мотнул головой в сторону площадки, где крики стали громче, перемежаясь пронзительными ругательствами и звоном разбитого стекла.

– Мне нужно вернуться, – верзила ткнул меня пальцем в грудь, – убедись, что она будет в безопасности.

Я увидел беспокойство в его темных глазах, сверлящих меня, а затем телохранитель направился туда, откуда пришел. Вдалеке завывали сирены, их звук казался все ближе и ближе. Когда огромный телохранитель ушел, Тревор прокрался вперед, заглядывая в лимузин.

– Чувак, чувак, она охренеть какая горячая.

Я должен был согласиться с оценкой Тревоора, но помимо того, что она оказалась сексуальной, девица находилась в отключке. Для того чтобы разжечь во мне даже мимолетную эротическую фантазию, девушка должна быть по меньшей мере в сознании и понимать, что происходит. Язык Тревоора вывалился изо рта, и я с отвращением захлопнул дверь, перекрыв ему обзор.

– Что собираешься делать с ней? – спросил он.

Я остановился у водительской двери и посмотрел на него:

– Я собираюсь отвезти ее домой, ублюдоок.

Тревор поднял руки вверх:

– Боже, успокойся. Я не имел в виду ничего такого...

Я не слышал конец фразы, так как уже забрался в машину и закрыл дверь.

Тревор не собирался сдерживать свое обещание телохранителю насчет девушки на заднем сиденье. Без шансов. И новость о том, что случилось в клубе Pony, все равно должна была распространиться по улицам – сирены были тому

гарантией.

«Просто довези ее до дома, закончи свою работу, следуй своему распорядку».

Я отогнал лимузин от тротуара. Мы встали в пробку на выезде со Стрип. Опустив перегородку, я проверил, как там девушка. Ее юбка все еще была задрана, открывая бедро, обтянутое колготками в сетку, и часть татуировки. Еще больше чернильных узоров змеилось по бледной коже ее предплечий, и еще один, побольше, покрывал правое плечо. Грудь выпирала из бюстье, или как это называется. Но я смотрел туда только для того, чтобы убедиться, что она дышит.

Я подумал, не свернуть ли мне в больницу «Санрайз», когда девушка застонала и перекатилась на бок. Я наблюдал за улицами перед собой, когда услышал, как она бросает на пол лимузина что-то, похожее на бутылку с выпивкой. Запах спиртного и рвоты заполнил замкнутое пространство.

– Потрясающе, – пробормотал я, – вот почему они платят мне так много.

Когда ее вырвало, гитаристка – по словам Тревоора – откинулась на спинку сиденья и тихо застонала, ее глаза все еще были закрыты, а светлые волосы прилипли к щеке. Я свернул с главной улицы, нашел темный, пустой переулок и съехал на обочину.

Я ненавидел то, что мне приходится соглашаться с Тревоором хоть в чем-то, но девушка действительно была красива. Даже в отключке, пьяная и пахнущая выпивкой, блевотиной

и сигаретным дымом, она оказалась потрясающей. Большие глаза, обрамленные длинными темными ресницами, полные губы, покрашенные бордовой помадой, и темные брови, которые контрастировали с ее белокурыми волосами.

Я напомнил себе, что я здесь, чтобы убедиться, что она не собирается умереть в машине, а не для того, чтобы глазеть на нее. За последние несколько месяцев в моем лимузине было много красивых девушек. Особенно пьяных красивых девушек. Эта не стала исключением.

Эта девушка – жаль, что я не догадался узнать ее имя у телохранителя – теперь дышала свободней, на ее лицо снова вернулись краски. Наверное, помогло то, что она выблевала пятую часть спиртного. Удовлетворенный тем, что ей не нужно в больницу (хотя я не завидовал эпическому похмелью, от которого она проснется), я сосредоточился на том, чтобы отвезти ее домой. Хотел скорее вернуться к себе.

Я поехал на северо-запад, в район Саммерлин. Большой дом группы был бледно-персикового цвета с белыми колоннами и круговой подъездной дорожкой, а еще в нем оказалось совершенно темно.

– Вот черт.

Я вышел из лимузина, подошел к двери и нажал на дверной звонок, надеясь, что в доме находится ее ассистент или другой охранник. Никого. Я попробовал открыть входную дверь на тот случай, если ее оставили незапертой. Но нет.

Вернувшись к лимузину, я выудил из кармана мобильник

и позвонил в диспетчерскую А-1. Тони Политано работал сегодня на линии.

– Тони? Это Джона. Мне нужен контактный номер кого-то из Rapid Confession.

– О, тебе досталась эта работенка? – Тони издал волчий свист. – Удачливый, гаденыш.

– Не такой удачливый, как бригада уборщиков, – пробормотал я, – так у тебя есть номер или нет?

– Секунду...

Я потер глаза и подождал, пока Тони снова включится.

– Джимми Рэй. Он их менеджер, – сказал он и пробубнил номер телефона. – И эй, сними для меня пару фоток, ладно? Блондинка? Она мега сексуальная, черт подери.

Я взглянул на девушку, развалившуюся на заднем сиденье. В голову закралась коварная мысль. Я, конечно, потеряю работу, но с выручки от продажи фотографий она мне не понадобится. Я мог бы находиться в горячем цехе двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, и больше не беспокоиться, будет ли моя инсталляция закончена вовремя до открытия галереи в октябре.

Это была приятная фантазия, за исключением небольшого факта, что я никогда не прощу себе, что оказался таким подонком. Сам факт, что я вообще лелеял эту идею, был отвратителен. Я списал все на усталость. И на тяжелый страх, который скрывался за каждой моей мыслью, готовый выплеснуться наружу, если я позволю. Страх, который говорил,

что у меня заканчивается время, и инсталляция останется навсегда незавершенной.

– Придерживайся распорядка, – пробормотал я.

– Ты что-то сказал, бро? – спросил Тони.

– Ничего, спасибо за номер.

Я сбросил Тони и позвонил Джимми Рэю, менеджеру группы. Он врезался в мою память как крикливый продавец подержанных автомобилей. Тощий парень средних лет, который одевался и вел себя, будто был на десять лет моложе и пытался казаться умником. А еще разговаривал с женщинами в группе, словно они были его талоном на обед, а не людьми.

Джимми снял трубку после пятого гудка, но говорить было невозможно. Музыка гремела у него за спиной, и хаотичные звуки сотен голосов, кричащих и вопящих, почти заглушали его голос.

– Алло, что? Что?

– Мистер Рэй, – мне пришлось кричать, – я ваш водитель!

– Что? Я вообще ни хрена не слышу.

– Я из компании A-1 Limousine...

– Кто это черт возьми?

Я потер глаза.

– Элвис. Элвис Пресли. Знаете, слухи о моей смерти сильно преувеличены.

– Слушай, кто бы ты ни был, у меня тут чертова катастрофа. Перезвони.

Снова крики, а потом все заглохло. Он, вероятно, положил телефон в карман, не повесив трубку.

Я отключился и проверил время. Чуть больше двух часов ночи. Я на темной улице, без огней, и никто не возвращается домой.

Я заглянул внутрь машины и осмотрел незнакомку.

– Ну и что мне с тобой делать?

Желание отвезти ее обратно в клуб и передать телохранителю с каждой минутой росло, но этот бедняга, вероятно, был занят.

Я закрыл пассажирскую дверь лимузина и вернулся за руль. Вся эта ситуация казалась мне убогой и неправильной. Я хотел доставить ее в безопасное место, и, хотя везти ее в свою квартиру было не совсем комильфо, это лучше, чем смотреть, как она валяется на заднем сиденье забрызганного рвотой лимузина.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это очень нестандартная ситуация, – сказал я, обращаясь к ней, выезжая из поместья Саммерлин. – Которая точно не прописана в руководстве сотрудника. На самом деле, я, кажется, помню, как смотрел образовательный видеоролик о таких вещах: «Как не получить судебный иск». Шаг первый: не забирайте своих пассажиров с собой домой, особенно если они в отключке и являются женщинами.

В два часа ночи Вегас открывал всем и каждому свое темное подбрюшье. Улицы были заполнены самыми отчаянными

ми: азартными игроками, надеющимися спасти часть своих потерь, безнадежными пьяницами, наркоторговцами и проститутками. Это был Вегас, который я ненавидел, но, пересекая Стрип и направляясь на восток, я проехал мимо отеля-казино «Белладжио». Улыбка вернулась на мое лицо. В Лас-Вегасе царила красота. Только нужно было знать, куда смотреть.

Например, на потолок вестибюля «Белладжио». Или в зеркало заднего вида.

Девушка откинулась на длинном сиденье, прикрыла татуированной рукой глаза и тихонько застонала.

– Мы почти на месте, – мягко сказал я ей, – с тобой все будет в порядке.

Глава 4. Джона

Я подъехал на лимузине к своему жилому комплексу. Мой дом был цементным ящиком с бледно-серой штукатуркой и кривыми облупившимися зелеными перилами.

– Я знаю, что это не те роскошные виллы, к которым ты привыкла, – сказал я ей, – но ведь нищие не могут выбирать, я прав?

Лимузин пришлось оставить у стены дома, как можно ближе к моей квартире на первом этаже. Стоянка там запрещена, но так хотя бы подальше от улицы.

Я подбежал к входной двери, открыл ее и включил свет. Вернувшись в лимузин, забрался внутрь и сел рядом с девушкой.

– Эй, – сказал я, легонько толкнув ее локтем. – Эй! Не хочешь проснуться?

Она даже не пошевелилась.

– Вот черт, – я глубоко вздохнул, – о'кей, поехали.

Она была небольшого роста, точно не доходила до метра семидесяти, и весила мало, но алкоголь превратил ее в мертвый груз. Ее руки и ноги обмякли, а голова свесилась. Я изо всех сил старался вытащить ее из этого проклятого автомобиля, но ударив головой о дверь. Оставалась надежда, что мне удастся наполовину нести, наполовину вести ее внутрь, но девушка свисала с моих рук подобно стекающему желе.

Я сделал глубокий вдох и подхватил ее под колени и спину, баюкая, как ребенка.

Доктор Моррисон впал бы в ярость, если бы увидел, что я поднял на руки взрослого человека. И Тео был бы вне себя от злости. Но никого из них не оказалось поблизости. Еще одно преимущество ночной смены: если не брать в расчет сообщений от Тео, я был свободен от пристального внимания, которое только напоминало о моем тяжелом положении. Хотя я пытался игнорировать его и придерживаться своего графика.

Я пронес девушку через открытую дверь своей квартиры и захлопнул дверь ногой. Положив бедолагу на диван, я сел рядом, чтобы перевести дыхание. Запыхался, но все казалось не так уж и плохо.

Несколько глубоких вдохов – и я снова в деле.

«Это было не так уж и сложно, правда?»

Полные губы девушки приоткрылись, она дышала легко, на лбу и груди блестели капельки пота. Сомневаюсь, что ей было удобно в этих сапогах и бюстье. Не то чтобы я собирался что-то с этим делать. Достаточно того, что она находилась в моей квартире. Даже если я сниму ее обувь, это может подлить масла в огонь того кошмара, который ожидал меня завтра. Могу ли я потерять работу из-за этого? Из-за нее.

Теперь, когда она находилась в безопасности, я подумал о своем положении. Мне нужна была моя работа. У меня был идеальный распорядок, и я не мог позволить ни одной чер-

товой случайности испортить его. Мне нужно было вернуться в клуб, чтобы забрать группу, как мне было и положено, но что потом? Привести их всех сюда, чтобы они захватили с собой свою гитаристку? И вообще, хорошая ли идея – оставлять ее одну?

Я посмотрел на нее. На молодую девушку. Наверное, ей двадцать два. Она не подавала признаков жизни, но ее красивое лицо было спокойным, а брови разгладились впервые за ночь.

Я вздохнул.

«Уже поздно. Дай ей поспать».

Перезвонив в А-1, я сказал Тони, что задержался и верну машину в гараж к семи утра. Тони предупредил меня, что наш босс, Гарри, взбесится, узнав, что одна из его машин не на месте. Не говоря уже о том, что группа осталась в клубе.

– Но, опять же, Гарри чертовски любит тебя, – сказал Тони, – ты его любимый водитель.

Это было правдой, и именно поэтому мне доверили работу с Rapid Confession. И все же я чертовски рисковал своей работой – работой, в которой отчаянно нуждался.

Со стоном разочарования я бросил телефон на старый журнальный столик перед диваном. Он звякнул об один из трех осколков стекла, лежащих на исцарапанной деревянной поверхности.

Из стенного шкафа в прихожей я достал плед и накрыл им гостью, затем поставил на стол рядом с ней стакан воды и по-

ложил две таблетки аспирина из моей личной миниатюрной аптечки. Это было своеобразным символом моих добрых намерений, что, наверное, все равно заставит девушку после пробуждения задаться вопросом, не была ли она похищена психом, коллекционирующим странные безделушки.

Эта девушка. Если я назову ее так еще раз, даже мысленно, я потеряю самообладание.

Мой ноутбук стоял на кухонном столе. Я открыл его и набрал Rapid Confession в строке поиска Google. Появилась куча фотографий и статей, многие из которых были сделаны вчера. Группа собиралась «взорвать музыкальную сцену, как коктейль Молотова» (по словам «Spin»), и «это было лучшее, что случилось с рок-н-роллом со времен Foo Fighters» (заявлял «Rolling Stone»). Я прокручивал страницы, пока не нашел дерзкие фото для промоушена с именами каждого члена группы.

– Кейси Доусон, – пробормотал я. – Аллилуйя.

Я уставился на снимок. Даже показывая средний палец с выражением «мне плевать» на лице, Кейси Доусон была потрясающей.

– Возьми себя в руки, Флетчер.

Я захлопнул ноутбук и направился в спальню. На стене кухни настойчиво мигал автоответчик телефона. Я нажал кнопку воспроизведения.

«У вас три новых сообщения».

Мне надо было просто лечь спать.

«Привет, Джона, это я, Майк Спенс. Из Карнеги... Слушай... я знаю, что ты сейчас переживаешь тяжелые времена, но... давай потусуем, чувак. Давай выпьем пива, как в старые добрые времена. Или, по крайней мере, перезвони мне и...»

Я нажал «удалить», и автоответчик перешел к следующему.

«Привет, дорогой, это мама. Просто звоню узнать, как ты. Я действительно ненавижу твои ночные смены. Я знаю, что названиваю и ворчу, как заезженная пластинка, но... позвони мне утром. Увидимся в воскресенье за ужином, как обычно? Твой отец хочет приготовить барбекю. Позвони мне, милый. Я люблю тебя. Окей. Люблю тебя. Пока».

Я стер и это, жалея, что не могу так же легко убрать неуверенность в голосе матери. Она говорила так, словно всегда готовилась к плохим новостям.

Прозвучало последнее сообщение, пришедшее всего несколько минут назад, может быть, когда я выгружал свой обмякший груз из лимузина. Я знал, что это будет Тео еще до того, как услышал его голос.

«Эй, бро, просто звоню, чтобы узнать, дома ли ты. Перезвони мне».

Голос Тео звучал небрежно, но время его звонка и предыдущие сообщения выдали его. Вспыхнуло раздражение, но я поборол его. Может, Тео допоздна работал в Vegas Ink. Иногда к нему в любое время приходили клиенты. Или, может

быть, это очередное позднее свидание – я не мог уследить за его женщинами, они приходили и уходили из его жизни слишком быстро.

Все сообщения были стерты как раз в тот момент, когда на мой мобильный пришло сообщение. Я схватил его с кофейного столика, пока Кейси Доусон спала, ничего не замечая. Это был Тео.

Все еще на работе?

Теперь я все-таки закатил глаза, так как раздражение пустило во мне корни. Я набрал сообщение.

Нет, я курю сигареты и ем сырой стейк.

Очень смешно. Дома???

Я вздохнул и посмотрел на экран, мой большой палец зудел, я так хотел отчитать его, чтобы он перестал так пекься обо мне и оставил в покое. Даже напечатал несколько слов на этот счет, но со вздохом удалил текст. Я больше не мог злиться. Ни на него, ни на своих родителей, во всяком случае. Вся ситуация была достаточно дерьмовой, не нужно заставлять их чувствовать себя еще хуже.

Да, дома. Спокойной ночи, Тео.

Увидимся в мастерской в воскресенье.

– Уверен, что увидимся, – пробормотал я.

Я выключил телефон и оставил его на кухонном столе по пути в спальню. Там снял униформу и разложил ее на аккуратно застеленной и, вероятно, слегка пыльной кровати. Переоделся в белую майку и пижамные штаны, достав их

из простого деревянного комода, затем направился в ванную комнату в коридоре, чтобы отлить и почистить зубы.

Я причесался и начал строить планы.

1. Отвези Кейси обратно в дом Саммерлин первым делом с утра.
2. Вернуть лимузин в А-1 и забрать свой грузовик.
3. Вернуться к своему распорядку.

Никаких проблем. Один маленький лежащий полицейский – вот и весь сегодняшний вечер.

В гостиной Кейси Доусон, похоже, устроилась настолько удобно, насколько это возможно в коже и винуле. Я помнил со времен студенческих дней, что похмелье и пот от вчерашней выпивки – гнилая комбинация. Я включил кондиционер у окна и устроился в кресле напротив дивана.

Я посмеялся над сценой, которую застанет моя гостья, если она проснется посреди ночи: убогая квартира вместо ее мега-особняка, и странный чувак, спящий в кресле, а не в кровати, как нормальный человек.

– Стивен Кинг, наверное, сделал бы заметки, – пробормотал я, устраиваясь в полулежачем положении, рекомендованном моим доктором, – это научит тебя не упиваться своими возможностями, Кейси Доусон, – пробормотал я, закрывая глаза, – всего в меру.

Например, сна.

Я проснулся в шесть, моя задница онемела от неизменно-го сидячего положения. То, что я не мог сменить позу, было отстойно, хотя теперь я всегда спал мало, но тем не менее просыпался бодрым. Как будто мое тело знало, что время отныне больше не та роскошь, которую я могу себе позволить. Теперь я не могу раскидываться им направо и налево.

Я направил свои мысли в позитивное русло. Солнечный свет – желтый и резкий – косо падал из переднего окна. Стекланные бутылки и пресс-папье поймали его, захватили и разбрызгали по кофейному столику красными, синими и пурпурными крапинками.

– Прекрасно, – тихо сказал я. Я провел всю субботу в горячем цехе, чтобы создать это.

Фигура на диване стонала и вздыхала во сне, напоминая, что у меня есть некоторые незаконченные дела, о которых нужно позаботиться в первую очередь. Я сбросил легкое одеяло и перебрался на диван.

Присев на корточки рядом с Кейси, я некоторое время изучал ее спящее лицо.

– Эй.

Она даже не пошевелилась. Ее рот был слегка приоткрыт. Мертва для этого мира.

– Пойду приму душ, – сказал я ей, – ничего не кради.

Я подумал написать записку, чтобы сообщить, что она не была похищена, но, вероятно, это не первый раз, когда Кейси Доусон проснется после тяжелой ночи, не зная, где она. Я

понадеялся на случай и направился в душ.

Она все еще была без сознания, когда я вернулся, одетый в джинсы и простую футболку. Моя форма для мастерской. Ровно семь утра. Я принял лекарства, проглатывая одну таблетку за другой. Мой желудок немедленно пожаловался, и я принялся за работу, взбивая протеиновый коктейль, который я пил каждое утро.

– Извини, Кейси, это будет больно, – пробормотал я и нажал кнопку на блендере, наполняя свою маленькую квартиру ужасным жужжанием.

Сильно страдающая от похмелья Кейси пошевелилась, застонала и, наконец, села, откинув с глаз взъерошенные волосы. Она рассеянно огляделась, не заметив, что я наблюдаю за ней из кухни.

Тогда я этого не знал, не мог знать, но в этот момент началась вся моя жизнь, вернее, то, что от нее осталось.

Глава 5. Кейси

Кто-то рубил дерево. Нет, кажется, целый лес.

«Что за больной ублюдок?..»

Я подняла голову, усиленно моргая. Жужжание прекратилось, и мой затуманенный взгляд остановился на журнальном столике со множеством разноцветных стеклянных пресс-папье. Они были милыми – даже красивыми, – но восхищение быстро улетучилось, когда солнечный свет отразился от них прямо мне в глаза.

Отведя взгляд, я увидела стакан, наполненный водой, а рядом две таблетки аспирина. Я поднялась очень медленно, и отвратительный оранжево-зеленый вязаный плед упал с плеч. Я посмотрела на себя сверху вниз. Все еще одета, на все сто. На мне были даже сапоги.

«Достойно. Одно очко в мою пользу».

Но это не принесло большого утешения. Я снова очнулась в незнакомой обстановке после пьяной ночи, которую не помню. На этот раз на диване, но это мог быть и заваленный мусором переулок. Или пресловутые канавы, о которых матери всегда предупреждают детей, чтобы те не упали туда и были осторожны. Я не была осторожна. Никогда.

Было больно двигаться или оглядываться. Моргать тоже. Я стала сосредоточенно проглатывать аспирин, запивая его водой. Во рту было сухо и пыльно, как в пустыне Невада. Я

бы осушила весь стакан, если бы была уверена, что мой желудок справится с этим, но у меня были сомнения. Я сделала несколько глубоких вдохов и подождала, пока тошнотворное чувство в животе утихнет. Потом огляделась вокруг.

Небольшая квартира, скудно обставленная простой разномастной мебелью. По другую сторону кофейного столика со стеклянными безделушками стояло старое кресло перед телевизором с плоским экраном. Стены голые, за исключением двух университетских дипломов в рамках, которые я не могла рассмотреть, и полдюжины фотографий. Из окон открывался вид на оживленную улицу Вегаса. Ничто в этом месте не произвело на меня впечатления. И определенно я не заметила ничего знакомого.

– Ну, по крайней мере я не прикована, а дверь в метре от меня, – пробормотала я себе под нос и подняла стакан с водой, чтобы сделать еще глоток.

– Верно, по обоим пунктам.

Я закашлялась, залив себе грудь водой, и огляделась.

– Какого черта?..

В крошечной кухне позади стоял парень. Его темные волосы были влажными и блестящими после душа, а острые карие глаза смотрели на меня с неким смущением. Он был высоким, очень милым и совершенно не в моем вкусе. Мои мужчины были покрыты татуировками, с огромным количеством пирсинга и продуманной стратегией отступления после того, как мы переспим. Парень на кухне выглядел

так, будто готовил завтрак для случайной женщины, которая оставалась на ночь, и вместо того, чтобы выгнать ее, он говорил: «Чувствуй себя как дома».

Милашка с большой буквы.

Но боже, у него было очаровательное лицо. Лицо, которое, я могла поклясться, видела раньше. Я искала в мутных глубинах своей памяти, где и когда...

– Я водитель вашего лимузина, – сказал он. – Отвез вас и вашу группу в клуб Rony вчера вечером.

– О, точно. Вот оно что.

Парень подошел к кухонной стойке, стоявшей лицом к гостинной, и прислонился к ней, скрестив руки на груди.

– Джона Флетчер.

– Что? – мой мозг пульсировал в такт пульсу.

– Меня зовут, – медленно произнес он, – Джона Флетчер. На случай, если тебе интересно, на чем диване ты сидишь.

– О, прости, – ответила я, ощущая, как мои щеки запылали. – Просто все, на чем я могу сконцентрироваться – головная боль. Я Кейси Доусон. Хотя ты, наверное, уже узнал об этом.

Глаза Джоны слегка расширились от удивления, и я покачала головой – о чем тут же пожалела.

– Я имею в виду не потому, что я знаменита, а из-за твоей работы. Мое имя, наверное, есть в каких-то бумагах... Эх, забудь.

Я обхватила руками ноющую голову и попыталась вспом-

нить что-нибудь из прошлой ночи. Смутное ощущение того, что происходило что-то не очень хорошее, делало мое положение еще более жалким.

Я посмотрела на Джону.

– Ну... вчера вечером. Мы?..

Он выгнул одну бровь, пристально глядя на меня. Другая даже не пошевелилась.

– Мы... что?

Я фыркнула.

– Мне обязательно это вслух говорить?

Холодное, резкое выражение его лица немного смягчилось.

– Мы этого не делали, ты была в отключке. – Он склонил голову набок. – Ничего не помнишь?

– Немногое.

– И часто у тебя так?

– Не понимаю, какое тебе до этого дело.

– И все же вчера вечером это стало моим делом. – Он пожал плечами. – Похоже, это опасная привычка, вот и все. Не все парни такие милые, как я.

– Это еще предстоит выяснить, – пробормотала я и огляделась. – Это твой дом? Почему бы тебе не отвезти меня обратно в Саммерлин-хаус?

– О, поверь мне, я пытался. То, что я привез тебя сюда, не соответствует рабочему протоколу. Я могу потерять работу.

– Что случилось? – спросила я главным образом потому,

что должна была, а не потому, что хотела знать.

Этот парень, Джона, задумчиво потер подбородок и сел напротив меня в потрепанное кресло с откидной спинкой. Обивка кресла, возможно, была из коричневой кожи, но я бы предположила, что это скорее всего винил – потрескавшийся в некоторых местах и потертый. Джона сидел, свесив руки с обтянутых джинсами колен. На правом запястье красовался тяжелый серебряный браслет. Футболка плотно облегла плечи и бицепсы. Хорошие мышцы. Худой, но накачанный.

Мой взгляд скользнул к вороту его футболки. Несколько миллиметров красной линии проглядывали над краем. Какой-то узловатый шрам.

Я быстро отвела взгляд.

– Я пытался отвезти тебя обратно в особняк, – сказал Джона. – Я также пробовал связаться с твоим менеджером. Не повезло. Я мог либо привезти тебя сюда, либо вернуть в клуб, но твой телохранитель, похоже, очень хотел, чтобы я увез тебя подальше от того, что там происходило.

К чувству подступающей тошноты прибавился страх, вставший комом в горле:

– А что там происходило?

– Не уверен, что именно, но звучало так, словно там был какой-то бунт.

– Бунт?

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. В голове всплыло смутное воспоминание, размытое и насквозь про-

питанное выпивкой.

Вот я – заталкиваю толпу поклонников в зеленую комнату. Я не могла вспомнить, что именно происходило, но звук ликующих голосов гремел в моей голове и заставлял ее болеть еще сильнее.

– Этот... этот Хьюго, телохранитель. Он сказал, что случилось? Как все началось?

Джона покачал головой.

– Ты ничего не помнишь?

– Совершенно точно могу сказать, что даже не хочу, – почти прошептала я.

Я запустила руку в голенище сапога, ища пачку сигарет и, вытряхнув одну, начала возиться со спичечным коробком, когда Джона кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Здесь запрещено курить, если ты не возражаешь.

– Смилуйся, – сказала я с бледной улыбкой. – Кроме того, в Вегасе все курят.

– Я – нет, – жесткость в голосе Джоны заставила мою руку замереть. – Он слабо улыбнулся. – Извини. Внутренний распорядок.

Я с тоской положила пачку на стол.

– Если ты не любишь сигаретный дым, то ты выбрал не тот город.

– И все же я как-то справляюсь. – Он нетерпеливо потер ладони о бедра. – Тебе не нужно позвонить своим ребятам? Они наверняка хотят знать, что ты в порядке. Во всяком слу-

чае, я бы предпочел, чтобы они знали, что ты в порядке. На самом деле, я жду, что команда спецназа в любую минуту выломает мне дверь из-за того, что я тебя похитил.

– Наверное... – последнее, что я хотела бы сделать, это позвонить «моим ребятам», но Джона наблюдал за мной.

«Просто покончи с этим».

– Могу я воспользоваться твоим телефоном?

Джона протянул мне свой мобильник, и я начала набирать номер Джимми. Я была на девяносто девять процентов уверена, что катастрофа в клубе произошла по моей вине, и на сто процентов уверена, что не хочу знать, насколько ужасно это было. Я струсила и вместо этого позвонила Лоле.

Она ответила после третьего гудка.

– Да? – ее голос был ужасно сонным.

– Лола? Это я.

– Кейси? – она зевнула. – Где ты? Ты звонишь из дома?

– Эм, нет, – сказала я, – я не... там.

– Что ж, это сужает круг поиска, – вздохнула Лола, – господи, Кейс. Нужно отправлять поисковую группу? А если подумать, то тебе лучше затаиться там, где Джимми тебя не найдет. Вчера вечером он был в бешенстве. И Джинни тоже. Но она всегда злится, так что...

Услышав это, я закрыла глаза и собралась с духом.

– Почему он злится?

– Ты ведь не помнишь, правда? Ты, детка, напилась «Егер-мейстера» до комы сразу после того, как пригласила поло-

вину аудитории в зеленую комнату. Но ты не осталась разбираться с тем, что натворила, Хьюго спас тебя. Он посадил тебя в лимузин, да? Нам пришлось ехать домой на такси. Джимми это не обрадовало.

Я накрутила прядь волос на палец.

– Так вот почему он был обижен? Потому что ему пришлось взять такси?

– Кейс, ты думаешь, он беспокоился о тебе? Милая, он решил, что ты развлекаешься с водителем лимузина. – Пауза. Я слышала невысказанные слова. Мы обе слышали. Уродливый румянец окрасил мою шею. Я упорно отказывалась смотреть на Джону.

– Ну, я же была в алкогольной коме, помнишь? Ты можешь сказать ему это.

– Да пофиг. Разве это имеет значение? Джимми позвонил в компанию и устроил им нагоняй за то, что они не забрали нас. Этот водитель лимузина тоже в заднице. И Хьюго тоже.

– Нет, нет, он не сделал ничего плохого, – я отодвинулась на край дивана подальше от Джоны и понизила голос. Головная боль усилилась в десятки раз. – Никто из них ничего не сделал. Скажи Джимми, что Хьюго не виноват. Я в порядке.

Я услышала, как Лола закурила. Бессознательно мои пальцы медленно потянулись к пачке, и мне пришлось сесть на руку.

– Ты же понимаешь, что полностью разгромила это место, да? – спросила Лола, выдыхая дым. – По словам Джимми,

Ропу говорит о потенциальном иске о возмещении ущерба.

Я чуть не выронила телефон Джоны.

– Кто-нибудь пострадал? – спросила я тихо.

– Нет, – сказала она, и гнев исчез из ее голоса, – но зеленая комната разгромлена. Хотя разгромлена – слабо сказано. Когда мы уходили, она походила на зону военных действий.

– Так... что происходит сейчас? Сегодняшнее шоу отменяется?

Лола фыркнула.

– Черт возьми, нет. Только не с продажей билетов на шестьдесят тысяч долларов.

– Ох.

– Я скажу Джимми, что ты в порядке, но, может быть... я не знаю, Кейс. Возможно, тебе нужно залечь на дно на пару часов. По крайней мере, пока Джимми не оправится от собственного похмелья. Ну, буду честна, все были довольно пьяны прошлой ночью. – Я понимаю, что Лола улыбается. – Это было эпическое шоу. Эпическое.

– Да?

– О, девочка, ты даже не представляешь. Мы на пороге мега-славы, а ты ее упускаешь. Нет, ты почти все испортила.

– Но не испортила же, да?

– Нет. Шоу должно продолжаться. Лола снова вздохнула. – Отдохни немного. Протрезвей к сегодняшнему выступлению. Ты ведь готова продолжать, да? – спросила она, и я услышал в ее голосе предостерегающие нотки. Это был не

только мой звездный час, но и ее тоже.

– Конечно, – слабо ответила я. – Спасибо, Лола. И скажи Джимми...

– Что тебе жаль? Да, да. Думаю, пора закрыть эту тему, Кейс. Поговорим позже.

Я вернула телефон Джоне.

– Благодарю.

– Копы могут ворваться в дверь в любую минуту? – мрачно спросил он. – Или я потеряю работу? Или и то и другое?

– Нет, ну... может быть.

Глаза Джоны расширились.

– Что из того, что я сказал «может быть»?

Стыд и унижение заставили меня покраснеть.

– Второе. Слушай, я поговорю с твоим боссом насчет лимузина... – начала я, когда Джона с проклятием выскочил из кресла.

Он проигнорировал меня и начал тыкать в свой телефон.

– Гарри? Это я, Джона. Я... – он бросил на меня свирепый взгляд, прислушиваясь к тому, что говорили на другом конце.

Я обхватила свою голову руками, пока Джона пытался объяснить ситуацию. Наконец, в поле моего зрения появился сотовый телефон.

– Не могла бы ты объяснить моему боссу, почему я не смог закончить работу вчера вечером? – Натянута спросил Джона.

– Да, конечно. – Я взяла трубку, – эм... привет. Гарри, да? Я Кейси. Из Rapid Confession. У меня была... непростая ночка, и Джона был достаточно мил, чтобы позволить мне переночевать на его диване. Ничего не случилось, – добавила я, вызвав странный взгляд Джоны. – Он хотел вернуться, чтобы забрать остальную часть моей группы, но мне было не очень хорошо. Он заботился обо мне. Порядок?

Гарри пообещал не увольнять Джону и рявкнул, что хочет вернуть лимузин как можно скорее. Потом он повесил трубку.

Джона уставился на меня.

– Ну что?

– Ты не уволен. Но Гарри хочет вернуть лимузин. Вроде как сейчас. – Он кивнул.

– Ладно, хорошо. Пойдем. По дороге я отвезу тебя домой к твоей группе.

– Эм... – я дернула за ниточку на пледе.

– Что? – резко спросил Джона. – Ты слышала моего босса. Я должен вернуть эту чертову машину, – он склонил голову набок, – разве тебе не нужно возвращаться?

Нет, подумала я. Я действительно не хочу возвращаться, просто не была готова к этому. Ни к чему из этого. Еще нет.

Я слабо улыбнулась Джоне.

– Аспирин никак не помог с моей головной болью. Ты не против, если я вздремну, пока ты будешь отвозить лимузин? Я вызову такси позже и не буду тебе мешать, обещаю.

Темные глаза Джоны расширились.

– Ты хочешь, чтобы я оставил тебя одну в моем доме, пока я буду возвращать лимузин, в который тебя вырвало, кстати, чтобы ты могла вздремнуть?

– Я обещаю, что просто вздремну и уйду, – сказала я и почувствовала, как у меня свело живот. – Подожди. Меня стошнило в твоём лимузине?

Джона выглядел так, будто у него уже готов остроумный ответ, но он пожалел меня, потому что сказал мягче:

– У тебя нет концерта сегодня?

– У меня есть немного времени, прежде чем мне нужно будет вернуться.

– Джона потер подбородок, выглядел он измотанным.

– Я планировал пойти на работу после того, как вернул бы лимузин. Мою другую работу, – пояснил он. – У меня плотный график, очень плотный, и я должен придерживаться его.

– Мне жаль. Я не хочу мешать. – Я посмотрела на него и улыбнулась. – А чем ты занимаешься на других работах?

Джона махнул рукой в сторону пресс-папье на кофейном столике.

– Ты коллекционер?

– Нет, я делаю это.

Мои глаза расширились, когда я посмотрела на стеклянные вещицы другим взглядом. Там были два сферических пресс-папье, одно выглядело так, словно внутри живет ку-сочек кораллового рифа, а другое заключало в себе неверо-

ятно сложный водоворот цвета. Рядом с пресс-папье стояла бутылка, усыпанная золотой пылью с красными лентами во-круг.

Я подняла пресс-папье, наполненное морской жизнью: анемонами с белыми и желтыми щупальцами, кружевными полосами рифа различных цветов и пестрыми тропическими рыбами.

– Кусочек океана в моей руке, – пробормотала я и посмотрела на него снизу вверх. – Это ты сделал?

– Да. Это то, чем я занимаюсь. Я не водитель лимузина. Это моя ночная работа. Днем я промышленный художник. Освещение, металл, стекло. В основном стекло.

– Ты действительно хорош, – сказала я, – более чем хорош. Это удивительно.

– Да, спасибо. – Он потер затылок, наблюдая, как я держу стеклянный шар.

«Он, наверное, думает, что я его разобью». Я осторожно положила пресс-папье обратно.

– Мне пора в горячий цех, – сказал Джона. – Там я их делаю, эти шары. Я буду там примерно до двух часов дня, – он поджал губы, размышляя. И, наконец, произнес: – Я думаю... ну, я думаю, ты можешь остаться здесь до этого времени.

– Да? Ты не против?

– Не думал, что зайду так далеко, – сухо улыбнулся Джона, – в холодильнике есть кое-какая еда, если захочешь по-

есть. Можешь пить воду из тех бутылок. Если тебе понадобится покурить, есть небольшой двор в центре комплекса. Поверни направо, как только выйдешь. Там есть скамейки и пепельница.

– Ладно, конечно. Поняла, – сказала я, чувствуя облегчение. Несколько часов, прежде чем мне снова нужно будет вернуться к музыке.

Подойдя к кухонному столу, Джона нацарапал что-то на листке бумаги и дал его мне. – Это номер моего мобильного. Если тебе что-нибудь понадобится, просто позвони. Телефон на кухне.

Я взяла листок и встретила с ним взглядом. Вблизи его глаза казались теплее. Глубокий, насыщенный карий.

– Огромное спасибо, что разрешил мне остаться. Я действительно ценю это. Немногие люди позволили бы совершенно незнакомому человеку болтаться в их доме без присмотра.

Джона натянуто улыбнулся:

– Ага, это точно.

Он сунул ключи в карман и вышел, заперев за собой дверь. Оставил меня одну у себя дома. Меня. Девушку, которая всего несколько часов назад участвовала в разгроме клуба, блевала в его машине, вторглась в его пространство и почти стоила ему работы. Он так спокойно к этому отнесся. Более чем круто.

«Он доверяет мне. Ну, типа того».

Не то чтобы я заслуживала доверия. Я вздрогнула при мысли, как сегодня будет выглядеть зеленая комната. Необходимость пойти и устроить еще одно шоу наполнила меня странным страхом.

«Что со мной не так?»

Я решила, что если посплю, то у меня будет меньше проблем, и я не лгала Джоне – мне действительно нужно было поспать. Голова раскалывалась, и мне хотелось проспать миллион лет. Я легла на диванную подушку и натянула на плечи старый плед. Он был не таким уродливым, как мне сначала показалось. К тому же он был большим и уютным. Это успокаивало.

Взглянув из-под отяжелевших век, я увидела прекрасную коллекцию выдувного стекла на кофейном столике. Великолепные завихрения цвета и дизайна, пойманные в ловушку и плавающие в центре пресс-папье или обернутые, как ленты, вдоль бутылки.

– Прекрасно, – пробормотала я, рассеянно представляя, что внутри одного из этих пресс-папье будет тихо и спокойно. Я могла плыть, невесомая, в стеклянном океане, зависнув среди красоты, окруженная цветом и тишиной. Никакого шума. Ни стучащих барабанов, ни бешеных риффов, ни орущих фанатов. Просто... тишина.

И безопасность.

Через несколько секунд я уже спала.

Глава 6. Кейси

Я проснулась, не в силах вспомнить, где нахожусь, пока мой взгляд не упал на стеклянные пресс-папье. Квартира водителя лимузина. Джоны Флетчера. Флетч, как в фильме Чевы Чейза⁸. Я улыбнулась сама себе и потянулась.

Свет, льющийся из окна, был резким и белым – таким, какой бывает только в полдень. Электронные часы показывали час. Я проспала шесть часов. Меня больше не тошнило, но желудок требовал еды.

А еще хотелось курить. Я взяла свой рюкзак и направилась на улицу, во двор, о котором говорил Джона.

Жара ударила сверху по голове, и головная боль угрожала вернуться. Я не представляла, как можно привыкнуть к климату пустыни. Как человек, который родился и вырос в Сан-Диего, где почти всегда было двадцать три градуса и ветрено, я не могла терпеть этот вид резкой, сухой жары дольше, чем день или два. Это напоминало жизнь в духовке. Хотя мне казалась ненавистной сама идея воссоединения с группой, я была рада, что мы уезжаем из Невады во вторник.

Я сидела на одной из кованных железных скамеек в темном

⁸ Корнелиус Крейн (Чевы) Чейз – американский актер, снимающийся преимущественно в эксцентрических кинокомедиях. Одним из его проектов был фильм 1985 года «Флетч», снятый по одноименному роману американского писателя Грегори Макдональда.

дворике, на который падала тень от жилого комплекса, напоминающего по форме «Г». Двор был покрыт грязью и толченым известняком, вдоль росли кактусы и еще какие-то пустынные кусты, названия которых я не знала. Здесь не было ничего по-настоящему зеленого. Все было бледно-зеленым, словно покрытым песком пустыни.

Я вдохнула дым и обдумала мысль о возвращении к группе. Неужели мне действительно была противна эта идея? Мы находились на грани мега-известности. Впереди нас ждали ведра денег и горы славы.

Так почему же мне казалось, что я хочу уйти?

«Потому что ты не хочешь умереть», – пришла полезная мысль.

Я задрожала, несмотря на безумную жару, и глубоко затаилась. Дверь квартиры, выходящая во двор, открылась, оттуда вышла пожилая дама в домашнем платье персикового цвета, тапочках и бигуди в коротких волосах. Увидев меня, она остановилась.

Я помахала рукой:

– Жарковато сегодня, да?

Женщина фыркнула и замахала на меня обеими руками, а затем с грохотом захлопнула дверь.

Я посмотрела на свою грудь, которая торчала из бюстье, и рассмеялась. Я все еще была затянута в латекс и винил моего костюма и ужасно потела. Старушка, наверное, решила, что я проститутка. Пот стекал по моей спине, и я чувствовала его

под корсетом. Выходить на улицу в такую жару было плохой идеей.

Я раздавила сигарету каблуком и направилась обратно в квартиру Джоны, надеясь, что смогу попасть внутрь. Я не только не заперла дверь, но и оставила ее слегка приоткрытой.

«Прелестно, – подумала я. Он позволяет тебе остаться, а ты оставляешь дверь открытой».

Обстановка жилого комплекса вовсе не говорила о богатстве и обеспеченности живущих здесь людей, но у Джоны в квартире было полно красивого выдувного стекла. Оно казалось мне очень ценным.

Сев под кондиционером, я откинулась на спинку дивана и стянула сапоги. Чулки – «рыболовные сети» – были порваны в дюжине мест. Сняв их, я с облегчением закрыла глаза и вытянула ноги. Сигарета не помогла справиться с похмельем. Язык казался слишком большим, а зубы – будто я не чистила их целую неделю. Может быть, у Джоны был ополаскиватель для рта. Или я могла бы почистить зубы его зубной пастой.

В единственном санузле я быстро пописала и подошла к раковине, чтобы помыть руки. Я ожидала найти всю ту гадость, что обычно оставляют парни, живущие одни: волосы после бритья и плевки. За то короткое время, что я жила с Четтом, он всегда оставлял после себя в ванной комнате отвратительный беспорядок.

Джона не был Четтом.

Раковина оказалась чистой и не загроможденной лишними вещами, что можно было сказать обо всем его доме. Я начала мыть руки, но отражение в зеркале остановило меня.

То, что осталось от подводки на глазах, размазалось по щекам, как будто я плакала. Помада оставила бледно-красное пятно под нижней губой, словно какая-то сыпь. Волосы были спутаны, а бледная кожа казалась желтоватой в свете флуоресцентных ламп. Чувство стыда, охватившее меня, как только я представила, как все утро сидела и разговаривала с Джоной в таком виде, ударило меня в живот.

«Боже мой, Кейси...»

Я вытерла размазанную подводку и помаду туалетной бумагой, затем открыла аптечку в поисках зубной пасты. Я застыла в удивлении. Паста и ополаскиватель были там, но полки заполняли ряды лекарств. Оранжевые пузырьки с белыми крышками, которые сложно было пересчитать.

– Гребаная аптека, Бэтмен.

Я повернула несколько пузырьков к себе, чтобы прочитать названия. Ни одно из них не было даже отдаленно знакомым.

– Что за черт? – Я стала читать надписи на других этикетках. У некоторых лекарств были названия, которые, как мне показалось, я видела по телевизору: болеутоляющие, несколько от высокого кровяного давления, два для снижения уровня холестерина и флакон антибиотиков⁹.

⁹ Применение подобных лекарств возможно только по назначению врача! (Прим. ред.)

«Зачем молодому парню нужны лекарства от холестерина и от повышенного артериального давления?»

Я вспомнила розовый шрам на груди Джоны. Какая-то болезнь сердца? Это объяснило бы его непереносимость курения и целую аптеку в ванной комнате.

Я быстро закрыла дверцу шкафа, забыв о зубной пасте, чувствуя, словно только что наткнулась на кого-то голого или прочитала очень личную запись в дневнике. Выйдя из ванной, я направилась на кухню в поисках воды. Мне нужно было смыть неприятный привкус от того, что я вошла в чужую жизнь.

В холодильнике я нашла бутилированную воду, о которой упоминал Джона, и больше ничего. Пара увядающих овощей, готовые салаты и, по крайней мере, три подноса с различными запеканками, покрытыми фольгой. Я заглянула в морозилку, чтобы подышать холодным воздухом, и нашла другую упакованную еду: постная кухня и бренд «Здоровое сердце» – кажется, Джона был на диете.

Это не был холодильник типичного холостяка из Лас-Вегаса.

«И та аптечка...»

Мой желудок скрутило от тревоги, не от голода. Я никогда не чувствовала себя комфортно рядом с больными людьми. Я не знала, что сказать, не могла найти правильный баланс между сочувствием и жалостью.

Я замолкала во время любой дискуссии о здоровье, а боль-

ницы вызывали головокружение.

«Ты ведешь себя глупо. Нужно поесть. Ты не ела с тех пор, как...»

Я не могла вспомнить, когда ела в последний раз. Видимо, я тоже сидела на диете. Жидкой диете.

Миска хлопьев, наверное, была бы лучшим вариантом. Я открыла несколько шкафчиков в поисках простой коробки кукурузных колечек Cheerios. Но вместо этого нашла кучу витаминов, добавок и протеиновых порошков.

Я поспешно все закрыла.

– Черт возьми.

Джона сказал, что я могу найти что-то съедобное, но теперь мой аппетит полностью пропал. Он был не просто совершенно незнакомым человеком; он был совершенно незнакомым человеком с серьезным заболеванием. Казалось чем-то наглым узнать все это едва встретившись. Я проходила ускоренный курс по крайне личным обстоятельствам его жизни, а он почти ничего не знал обо мне. Жаль, что у меня не хватило смелости просто позволить ему отвезти меня в дом Саммерлин.

Я побрела обратно в гостиную, не совсем понимая, что делать. По телевизору, возможно, показывали новости о том, что произошло в клубе Рону прошлой ночью, поэтому я оставила мысль включить его и попыталась просто успокоиться, посидев в тишине квартиры Джоны.

Но я не могла усидеть на месте. В детстве мать быстро ди-

агностировала у меня СДВГ¹⁰, используя его, чтобы оправдать мое буйное поведение перед моим отцом, который раздражался при малейшем шуме или признаках несдержанности. Мне всегда было не по себе в собственной шкуре. Став старше, я поняла, что в моем теле заперто две личности: интроверт, который избегал сердитых лекций отца, и экстраверт, который практиковался в игре на электрогитаре в гараже так громко, как только мог, чтобы разозлить его. Постоянная война с самой собой.

Прямо сейчас интроверт во мне шептал, что нужно наслаждаться тишиной.

Экстраверт хотел выпить.

Вдоль стены гостиной Джоны тянулись книжные полки: промышленное искусство, история искусств, биографии художников, о некоторых я слышала, о большинстве – нет. У него не было художественной литературы. Скучно.

Я продолжала двигаться.

На противоположной стене висело множество фото в рамках. На большинстве фотографий Джона улыбался вместе с родителями, насколько я поняла, и симпатичным, задумчивым парнем. Может быть, братом? У него была та же форма лица, что и у Джоны, те же темные волосы, но он был ниже и крупнее. Черты его лица были более резкими, глаза более

¹⁰ Синдром дефицита внимания и гиперактивности – неврологическо-поведенческое расстройство развития. Характеризуется сложностями в концентрации внимания, гиперактивностью и плохо управляемой импульсивностью.

светлыми и жесткими. Темные татуировки змеились по его сильным рукам.

Он выглядел как один из тех парней, которых я любила приводить домой на ночь, утопая в их мужественности, силе и властности. И которые сбегали с первыми лучами солнца, и никаких привязанностей, как мне и нравилось.

Джона выглядел как парень, которого хочется встретить на обочине дороги ночью, если у твоей машины спустит колесо.

«Или если ты напилась до потери сознания и разнесла клуб в Вегасе».

– И это тоже, – рассеянно пробормотала я, продолжая изучать фотографии.

Горячий брат, два друга-афроамериканца и симпатичная девушка с длинными волосами были на многих фотографиях: в клубе, на вечеринке, в окружении высоких зеленых деревьев в походе или на пустынной равнине с восходящим или заходящим солнцем позади.

Почти на каждой фотографии Джона ярко, открыто улыбался, и его лицо светилось. Такой контраст с жестким, серьезным выражением, застывшим на его лице этим утром. Я не могла не улыбнуться ему в ответ, рассматривая фото.

Я заметила, что одна девушка – красивая брюнетка с тонкими чертами лица – часто была рядом с Джоной. Обычно он обнимал ее одной рукой, все так же счастливо улыбаясь, в то время как девушка выглядела так, будто ей причиняют стра-

дания, и позировала, повернувшись к камере своей «лучшей стороной».

Над фотографиями висело два диплома в рамках, которые я заметила сегодня утром. Один из них был дипломом Университета Невады в Лас-Вегасе, а другой – Карнеги-Меллона.

Карнеги-Меллон... это большой университет. Возможно, он даже входил в Лигу Плюща. Джона был талантлив и умен. Он выглядел молодо, возможно, был всего на несколько лет старше меня. Разве он не должен все еще быть в Карнеги-Меллоне? Или болезнь, что бы там ни было, заставила его бросить?

Я коснулась фотографии смеющегося Джоны.

– Что с тобой произошло?

«Он в порядке. Он делает стекло в горячем цехе, или как-то там. Другое дело ты: устроила заварушку и отключилась. Лучше спроси, что случилось с тобой?»

– Я в порядке, – пробормотала я в пустоту, хотя в тот момент отдала бы все за «Кровавую Мэри».

Внезапно чертово бюстье показалось мне на десять размеров меньше, а не на два, как на самом деле. Я не могла дышать и снова начала потеть. Кондиционер тихо жужжал около окна, выходящего на оживленную улицу. Чтобы не шокировать соседей, я вернулась на кухню и потянула за боковые шнурки. Я сняла бюстье и позволила ему упасть на пол, оставшись в черном лифчике без бретелек, затем открыла

морозилку.

Я была слишком маленького роста. Ледяной воздух ударил мне в лицо, но не туда, куда нужно. Я заметила табуретку возле шкафов, подтащила ее к холодильнику и забралась наверх. Убрав волосы с шеи, я закрутила их в пучок на голове, так холодный воздух свободно окутывал мои руки и грудь, охлаждая горящую кожу и подавляя желание выпить чего-нибудь крепкого.

– Эм... привет?

Джона. Я не слышала, как он вошел из-за шума холодильника. И чуть не свалилась с табуретки.

– О боже, серьезно? – Я схватила бюстье с пола и прижала его к груди, как щит. – Напугать девушку до смерти, почему бы и нет!

Он выглядел так, словно сдерживал улыбку.

– Извини. Я просто пытался понять, что ты делаешь.

– Выуживаю твои готовые обеды своей грудью, – парировала я. – А что, по-твоему, я делала? Я остываю.

– Я почти уверен, что кондиционер для этого и нужен, – сказал он, ткнув большим пальцем в его сторону.

– Да, но это у окна, умник. Я не хотела светиться на всю улицу.

Джона поднял руки вверх.

– Замечание принято.

Наступило короткое молчание, когда стало очевидно, что никто из нас не знает, что делать или говорить дальше.

Я тяжело вздохнула.

– Слушай, ты собираешься стоять тут и пялиться на меня весь день или, может быть, поможешь мне? Твоя соседка уже думает, что я девушка по вызову. Это сценический наряд, а не одежда для отдыха.

Теперь было совершенно очевидно, что он старается не улыбаться.

– Один момент.

Он пошел в спальню и вернулся с простой черной футболкой.

– Это подойдет?

Я повернулась к нему спиной и натянула футболку через голову. Она была слишком большой, с V-образным вырезом, что было совершенно не в моем стиле, и еще пахла им.

И снова на меня нахлынуло ощущение, что с этим парнем я слишком быстро перешла на ты. Теперь я стояла босиком на его кухне, одетая в его футболку.

– Спасибо, – сказала я, поворачиваясь к нему. Еще одна короткая пауза, во время которой Джона пристально смотрел на меня. Не с отвращением, скорее он пытался понять, что со мной делать.

На меня так часто смотрят.

Я переступила с ноги на ногу.

– Как прошло твое стеклоделание?

– Выдувание.

– Прошу прощения?

– Выдувание стекла, – сказал Джона. – Я не делаю стекло, я делаю вещи из разогретого стекла, продувая воздух через трубку... – он махнул рукой. – Неважно. Это долгий процесс. Я не хочу утомлять тебя подробностями, и нам лучше вернуться...

– Звучит интересно, – быстро сказала я. – Я даже не представляю, как ты это делаешь. Так замысловато. Пресс-папье с морскими животными. Я имею в виду... как ты это делаешь?

Боже, я лепетала как идиотка, пытаюсь удержаться на плаву, в то время как мысль о возвращении в Саммерлин была свинцовым грузом, тянущим меня вниз. Джона нахмурился, явно пытаюсь решить, действительно ли меня это волнует или я просто тяну время.

«И то и другое».

– Я мог бы объяснить, – сказал он, – но на это уйдет весь день, а у меня плотный график, и я должен его соблюдать и...

– Мое присутствие здесь – огромная заноза в твоей заднице, – закончила я, не желая навязываться, – я понимаю. Все нормально.

– Ты не заноза в заднице, – сказал Джона.

Я склонила голову набок.

– Ладно, может быть, немного, – сказал он с легкой улыбкой.

Я восприняла это как хороший знак.

– Эй, знаешь, что? Я чертовски голодна. Как насчет того,

чтобы где-нибудь перекусить? У меня еще есть около часа, прежде чем мне нужно будет вернуться, чтобы подготовиться к шоу. Что скажешь? Как тебе идея? Я угощаю.

Лицо Джоны окаменело, а мышцы на руках напряглись.

– Мне нужно уехать сегодня вечером, в шесть, и у меня очень плотный график...

– Ты все время это повторяешь, – я толкнула его в плечо, как будто мы были старыми приятелями, – ты никогда не нарушаешь свой распорядок?

– Нет. Не нарушаю.

– Ох, – я прикусила губу, но не отступала, – один плотный, «после похмельный» обед не займет так много времени, не так ли? Полчаса, максимум сорок пять минут.

Проницательные темные глаза Джоны встретились с моими, и я почувствовала, как он изучает меня. Этот парень был наблюдательным, и я догадывалась, что он читает неуверенность на моем лице.

«Или, может быть, он смотрит так потому, что ты выглядишь как девушка с плаката «Блондинка в эфире»¹¹.

– Я же сказал, что ты могла съесть все, что найдешь здесь, – наконец произнес Джона.

– И это было очень мило с твоей стороны, но у тебя не так уж много... настоящей еды.

– У меня есть много диетических ограничений, – сказал

¹¹ Имеется в виду афиша одноименного фильма 2014 года – американской комедии режиссера и сценариста Стивена Брилла.

он.

– Конечно. – Я закашлялась. – Но почему?

У Джоны, казалось, внутри шла внутренняя борьба, хотел ли он сказать мне то, что я уже подозревала.

– У меня больное сердце, – медленно произнес он.

– Ох... – выдохнула я, как будто до этого я не рылась в его аптечке. Мои глаза так и хотели взглянуть на шрам, который шел от ямочки между ключицами. Я не отрывала взгляда от его лица. Должно быть, я выглядела как сумасшедшая, пристально глядя на него, потому что Джона сделал шаг назад.

– В любом случае. Это еще одна долгая история и... да, я думаю, мы могли бы перекусить, если ты действительно голодна.

– Умираю с голоду! – я снова натянула сапоги, которые странно смотрелись с моей кожаной юбкой и мужской футболкой, но я избавилась от бюстье, слава богу.

– Я готова.

– Хорошо, – нерешительно сказал Джона. – Быстренько пообедаем, а потом я отвезу тебя обратно в Саммерлин.

– Звучит великолепно.

Он, вероятно, согласился на обед, только чтобы мы сменили тему, но, независимо от причины, я была рада отсрочке своей казни. Ненадолго, но я все равно воспользовалась случаем.

Глава 7. Джона

Я повел Кейси через парковку к своему грузовику: маленькому голубому пикапу, заполненному картонными коробками. Я придержал для нее пассажирскую дверь, что, казалось, поразило ее. Этот ланч вне дома меня смутил: не соответствовал моему распорядку при всем желании. Но Кейси явно не спешила возвращаться в свою группу. После той катастрофы, которую она устроила в клубе, остаться со мной было решением, продиктованным инстинктом самосохранения.

Я сел за руль, и мой взгляд снова упал на бедра девушки, полосу гладкой кожи между ее сапогами и почти несуществующей мини-юбкой. Часть красочной татуировки виднелась на ее бедре, и желание увидеть татуировку целиком было до смешного сильным. Кейси была привлекательной. На самом деле больше чем привлекательной. Она была прекрасна. Ну, и что с того? Она больше подходила Тео со своими обесцвеченными волосами, кожаным нарядом и татуировками.

Я снова перевел взгляд на ее бедра. Сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз прикасался к девушке?

«Один год, четыре месяца, тринадцать дней и восемнадцать часов».

Я усмехнулся своему внутреннему математику, хотя мои подсчеты, вероятно, были предельно точны. Последняя де-вушка, с которой я был, — моя бывшая подруга Одри. А потом я заболел.

— А что это за коробки в багажнике? — спросила Кейси, отрывая меня от этих мыслей. — Ты переезжаешь?

— Нет, в них стекло, — сказал я, радуясь, что меня отвлек-ли. — Старые бутылки и банки, которые я расплавляю, чтобы сделать из них свои работы. Завтра я отвезу их в горячий цех.

— Значит, горячий цех — это всего лишь то место, где вы выдуваете стекло? — Кейси хмыкнула.

Я поднял бровь, глядя на нее.

— Знаю, знаю. Мне двадцать два, но у меня чувство юмора четырнадцатилетнего подростка. — Она повернулась в своем кресле ко мне. — И как ты это делаешь?

— Что делаю?

— Поднимаешь только одну бровь. Я всегда хотела на-учиться.

Я пожал плечами.

— Даже не знаю. Просто могу.

— Сделай это снова.

— Зачем?

— Потому что это круто.

Я выгнул бровь, глядя на нее.

— Неужели?

Она рассмеялась и удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Широкая улыбка не сходила с ее губ, пока она смотрела, как за окном проносится Лас-Вегас. Даже видя только ее профиль, я мог сказать, что ее улыбка была потрясающей.

– Так над чем же ты работаешь? – спросила она через мгновение. – В горячем цехе.

– Ну... я работаю над выставкой для местной галереи. Она открывается в октябре. В смысле, выставка, не галерея.

«Спокойно, Флетчер». Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я говорил с незнакомым человеком о выставке. Я сократил круг осведомленных до трех друзей, моей семьи и куратора галереи. До Кейси я не понимал, насколько это небольшое число.

– Ты будешь продавать свое стекло на этой выставке? – спросила Кейси. – Ну, те красивые пресс-папье?

– Да, у меня будут маленькие работы для продажи, но основной акцент будет сделан на крупной инсталляции.

Она начала задавать еще вопрос, когда я загнал грузовик на стоянку «Маллигана» – маленькой семейной забегаловки. Было почти три часа дня, обеденный перерыв закончился, можно было припарковаться без проблем. Я выбрал место возле двери.

– Это же в шаге от твоего дома, – сказала она. – Мы могли бы дойти пешком.

– В такую жару? – сказал я и выключил двигатель.

– Аргумент. Жара просто ужасная. Я не знаю, как вы, жи-

тели пустыни, справляетесь.

Я распахнул перед ней дверь закусочной, снова удивив ее. Она улыбнулась, и я потерял на миг возможность мыслить.

– Я родился и вырос в пустыне, – сказал я. – Уже привык, но некоторые люди не выдерживают этого. Слабаки и нытики, все до единого.

Кейси фыркнула и легонько ткнула меня локтем в бок, когда проходила мимо. Она вздохнула с облегчением, когда мы зашли в кондиционированное помещение. Я бросил на нее понимающий взгляд.

– О, прекрасно. Я слабачка, – засмеялась она. – Найди нам столик, умник, пока я схожу в туалет.

Я усмехнулся, направляясь к стойке администратора. Было легко находиться рядом с этой девушкой. И казалось, что она ощущала себя со мной так же, как будто мы знали друг друга уже несколько лет, а не часов.

Меня встретила официантка.

– Сколько вас будет?

– Двое, – сказал я и тут же почувствовал боль в области солнечного сплетения. Я слышал, что если человеку можно отрезать конечность, он будет чувствовать боль из-за ее отсутствия. Я не скучал по Одри, моей бывшей девушке. Она ушла от меня сразу после операции по пересадке. Мы планировали совместную жизнь, но когда вирус разрушил мое сердце и почти забрал жизнь, наши планы так же разрушились, а отношения умерли.

Одри не могла смириться с болезнью, больницами, прозрачным присутствием смерти, нависшим надо мной, пока не поступил звонок о наличии донорского сердца. Она ушла прежде, чем я успел выйти из-под наркоза.

Тео никогда бы не простил ее за то, что она ушла, но я быстро смог ее забыть – даже несмотря на то, что мы были вместе три года. Больно, что она исчезла из моей жизни, но со временем, конечно, должно было стать легче. И я простил ей, что она ушла, чтобы найти кого-то другого, кого-то здорового, в кого она могла бы безумно влюбиться и построить настоящую жизнь.

Я не скучал по ней. И все же, отвечая на безобидный вопрос официантки, я понял, что скучал по нам двоим. Быть частью пары, придерживать для кого-то дверь, просить столик на двоих, шутить, поддразнить, быть чьим-то умником... Мой маленький круг близких теперь не включал подругу и никогда больше не будет. Я думал, что смирился, но какая-то часть меня, похороненная глубоко внутри, говорила иначе.

Я опустился на диванчик и взял меню, чтобы отвлечься от мыслей, в которые не хотел погружаться. В «Маллигане» был типичный деревенский завтрак, который подавался весь день, и разнообразные гамбургеры и бутерброды на обед. К сожалению, более половины блюд были мне строго запрещены.

Кейси плюхнулась на сиденье напротив меня, освеженная

и энергичная. Я старался не думать, что она надела мою футболку, как иногда делают девушки с одеждой своих парней. Официантка поставила на стол две бутылки воды.

– Кофе?

– Да, пожалуйста, – сказала Кейси, – срочно.

– Мне кофе без кофеина, – сказал я.

Официантка отошла, и Кейси бросила на меня странный взгляд.

– Без кофеина?

– Мне нельзя кофеин.

– Это трагедия, – она наклонилась над столом. – Ты же знаешь, что говорят о кофе без кофеина? Для него есть время и место: никогда и мусорка.

Я засмеялся вместе с ней.

– Мне придется запомнить это.

Кейси изучила меню.

– Я так голодна, могу съесть все, что угодно. Что насчет тебя? Что ты собираешься заказать? Подожди... – она бросила меню на стол. – А что тебе можно?

– Пока не могу сказать точно. Мои возможности ограничены.

– Из-за твоей диеты.

– Да.

– Черт возьми, Джона, зачем ты привел меня сюда? – Она махнула рукой на меню. – Тут же сплошной жир.

Я рассмеялся и взмахнул руками вверх в ответ на ее вне-

запную вспышку.

– Воу, полегче. Я что-нибудь найду.

Она прикусила губу.

– Да, но...

– Мы пришли сюда ради тебя. Здесь идеальная еда с похмелья. Часто забегал сюда с друзьями, когда учился в университете Лас-Вегаса. – Я постучал пальцем по уголку ее меню: – Заказывай то, что хочешь. Все в порядке, клянусь.

Она все еще смотрела с сомнением, когда официантка вернулась с нашим кофе, положив оранжевую салфетку с надписью «без кофеина» под мою кружку.

– Ты готова сделать заказ, дорогая?

Кейси закусила губу.

– Заказывай, – сказал я ей. – Если только ты не хочешь, чтобы мы вернулись ко мне и разделили немного постной еды.

– Ну, в таком случае... – Кейси повернулась к официантке и сказала низким голосом:

– Да, очень хорошо, я буду «Кровавую Мэри» и сэндвич со стейком.

Официантка бросила на нее взгляд, и я нахмурился из-за «Кровавой Мэри». Кейси сверкнула глазами, глядя в пространство между нами.

– Это из Флетча! Из кино! Она ткнула в меня пальцем. – Ты, Джона Флетчер, хочешь сказать мне, что не видел величайшего фильма всех времен Чеви Чейза?

– Извини, я пропустил его, – сказал я.

– Это классика, – сказала Кейси. – У меня пунктик насчет фильмов восьмидесятых.

Официантка демонстративно закашляла.

– У меня тоже, милая, но у меня нет ни бутербродов со стейком, ни «Кровавой Мэри».

Кейси заказала чизбургер и картошку фри, а я – салат «Кобб» без бекона и пшеничный тост без масла.

Когда официантка отошла, Кейси покачала головой:

– Без бекона? Единственная хорошая вещь в салате «Кобб» – это бекон.

Я пожал плечами:

– Его нет в списке разрешенных продуктов.

– Это отстой. Что еще ты не можешь есть?

– Красное мясо, шоколад, соль...

Кейси чуть не поперхнулась кофе.

– Воу, воу, воу! Никакого шоколада?

– Я больше скучаю по соли, – сказал я. – И маслу. Ничего жирного, ничего вкусного, – я сухо рассмеялся. – Короче говоря, мне нельзя есть ничего, что так любят другие.

Кейси покачала головой:

– Не представляю, как ты держишься.

– Не то чтобы у меня был выбор. А есть вещи и похуже.

– Я пытаюсь представить себе нечто худшее, чем невозможность есть шоколад, – она замерла, потом поставила кружку с кофе, ее улыбка исчезла. – О боже, это ужасно – го-

ворить такое человеку с больным сердцем. Извини. Я часто так делаю – просто выбалтываю все, что приходит в голову.

– Эй, все в порядке. Еще я больше не могу употреблять наркотики, но это оказалось благословением, теперь я могу скопить какие-то деньги.

Ее смущение заменила улыбка.

– Да, по-моему, ты похож на наркомана.

– Тот еще. К счастью, бывший.

Кейси расслабилась и откинулась на спинку заднего сиденья.

– Значит, ты учился в университете Лас-Вегаса? Там ты изучал промышленное искусство?

– Да, мы с братом изучали там искусство.

– А потом Карнеги-Меллон?

Я отхлебнул кофе.

– Ты задаешь слишком много вопросов.

– У тебя много фотографий и дипломов на стене. Прежде чем я решила охладиться в твоём холодильнике, у меня было немного времени.

Я поставил чашку на стол, чтобы не расплескать кофе.

– Такое не каждый день услышишь.

– Это в моем стиле, – сказала Кейси с печальной улыбкой, как будто это была старая шутка, которую она устала слушать. Но она отбросила ее в сторону.

– Карнеги-Меллон... где это?

– Пенсильвания. Поговорим о погодном шоке. В первую

зиму, когда я был там, я хотел впасть в спячку.

– Слабак, – сказала она, делая глоток кофе. – Но от одного нытика перейдем к другому: на восточном побережье погода тоже слишком странная для меня. Я родилась и выросла в Сан-Диего, где, если идет дождь, люди сходят с ума.

Официантка принесла нашу еду. Я никогда не позволял никому есть диетическую еду, если они находились около меня, но запах, исходящий от тарелки Кейси, обволакивал – насыщенный, мясной, жареный. Я посмотрел на свой салат, который ничем не пах, и попробовал немного, в основном ради Кейси.

– Значит, в октябре у тебя открывается выставка? – спросила Кейси, промокнув рот салфеткой. – Очень жаль, что меня не будет рядом, хотелось бы увидеть это. Я буду в туре в течение, наверное, следующего миллиона лет.

– Миллион лет... это долгий тур. Надеюсь, вы любите путешествовать.

Она пожала плечами:

– Эх, все не так хорошо, как кажется.

– Не так?

– Звучит неблагоприятно. Большинство музыкантов отдали бы свою правую грудь, чтобы подписать контракт с лейблом и отправиться в тур по нескольким городам, верно?

– Поскольку у меня нет груди, я не могу сказать наверняка, – заметил я с усмешкой, – но по моим профессиональным наблюдениям – как твой водитель могу сказать, что не

похоже, что ты хорошо проводишь время.

Она подняла глаза к потолку.

– Что же меня выдало? Разгромленная концертная площадка или то, что я свалилась в обморок и блевала в твоём лимузине?

– Все это.

Она улыбнулась.

– Я скушаю по честной музыке безо всякой театральности, понимаешь? Раньше я любила просто сидеть с гитарой и сочинять песни. Подбирать рифф или искать нужную мелодию, а потом писать тексты.

– Ты изучала музыку в Сан-Диего?

– Нет, я вообще не училась в колледже, – сказала она. – Но... я играла с детства. Моя бабушка подарила мне гитару, когда мне было десять лет. Я любила играть, но больше всего мне нравилось писать песни. Гитара была способом облачить мои слова в мелодию. Вообще это могло быть что угодно – пианино, барабаны... я просто хотела писать и петь.

– Ты еще и поешь?

– Теперь только подпеваю, – сказала она, стараясь не встречаться со мной взглядом, – И я больше не пишу свои собственные песни. Просто – материал для группы.

– Почему же?

Она рассеянно провела пальцем по линии брови. Волосы у нее были светлые, но брови темные. И идеальные.

– Теперь мы одна команда. Я пишу для нас, – говорила

Кейси. – Но в каком-то смысле это лучше для меня. Мне нужна группа. – Она взглянула на меня сквозь опущенные ресницы. – Я не очень хорошо справляюсь сама.

Я кивнул, изо всех сил стараясь придумать какое-нибудь конструктивное замечание. Чтобы сосредоточиться на ее словах, а не на деталях ее лица.

– Я чувствую, что все движется так быстро, – продолжала Кейси, – и у меня нет времени сидеть и выяснять, что у меня внутри. Например, чем я хочу в жизни заниматься? То ли это, что я хочу делать – быть рок-звездой? Половина меня говорит: «Черт возьми, да!» Другая половина боится.

– Чего боишься?

– Образа жизни. Гулянок. Я чувствую, что живу по инерции, чтобы не принимать никаких реальных решений. Я просто следую за группой, играю очень громкую музыку и много пью, потому что...

– Потому что?.. – мягко спросил я, и она небрежно пожала плечами, хотя ее слова и говорили о важном.

– Потому что мне больше некуда идти. – Образ телохранителя, выносящего ее из клуба прошлой ночью, вспыхнул в моем сознании, как и рекламный снимок, где она показывает миру средний палец. Жесткая и уязвимая одновременно. «Она кажется потерянной».

Кейси откинулась на спинку сиденья и махнула рукой, словно ее слова были сигаретным дымом, который нужно было развеять.

– Во всяком случае, это моя жуткая похмельная история.

Я знал, что это не все. У меня сложилось впечатление, что у нее было больше историй и больше песен.

Между нами повисло молчание, пока я потягивал свой остывший кофе без кофеина. С полдюжины раз я собирался начать, желая поделиться с ней чем-нибудь. Чем-то глубоко личным, как будто за каждую такую историю выдавались очки, и теперь их количество нужно было выровнять.

Но моя персональная история была слишком личной. Слишком темной. Кейси Доусон светилась, и я не мог вынести мысли, что моя глубочайшая правда окутает ее, как саван, затмевая ее свет своей ужасной концовкой.

Я поиграл под столом своим медицинским браслетом. Я мог бы, по крайней мере, сказать ей, почему я должен был съесть гребаный салат вместо гамбургера. Я начал было, но тут появилась официантка с кофейником. Она снова наполнила кружку Кейси, затем начала наполнять мою.

Кейси протянула руку и накрыла мою кружку.

– Подождите! Это обычный? Он может пить кофе только без кофеина! Официантка с тихим вскриком отдернула кофейник.

– Черт, милая, я чуть не ошпарила тебя.

– Мне очень жаль, – сказала Кейси. – Я просто... это важно. – Она взглянула на меня.

– Это не стоит того, чтобы ты обожглась, – сказал я. Но этот жест тронул меня.

– Я принесу другой чайник, – сказала официантка и раздраженно удалилась.

Кейси снова положила руку на колени, и ее щеки порозовели.

– Извини. Я немного разволновалась.

– Ты чуть не довела до одиннадцати¹², – сказал я, полагая, что цитата из фильма восьмидесятых годов сгладит ситуацию.

Она вскинула голову, улыбка вспыхнула на ее лице, как рассвет.

– «Это – Spinal Tap¹³!», – воскликнула она, – классика.

Я вглядывался в ее глаза, чувствуя притяжение между нами, теплое и тягучее.

– Спасибо, что следишь за моим кофе, – сказал я, – это очень важно.

Ее взгляд смягчился:

– Может быть, объяснишь мне, почему?

– Я... мне пересадили сердце, – сказал я.

– О, – произнесла она, откидываясь на спинку сиденья. Ее глаза смотрели куда-то вдаль, потом она резко тряхнула головой, – пересадка сердца. Но... ты так молод. Двадцать пять?

– Двадцать шесть. Вирусу, который разрушил мое сердце,

¹² Выражение «довести до одиннадцати» значит довести что-то до крайности.

¹³ «Это – Spinal Tap!» – псевдодокументальный фильм 1984 года о вымышленной британской рок-группе, чей успех идет на убыль.

было наплевать, сколько мне лет. — Я грустно улыбнулся. — Вирусы такие придурки...

Кейси не улыбнулась. Она указала на мое запястье и медицинский браслет:

— Можно посмотреть?

Я скользнул рукой к ней по столу.

Она перевернула прямоугольную бирку, со стороны, на которой изображался красный глянцевый крест на ту, где были слова.

— Пациент с трансплантацией сердца. Смотреть карточку в кошельке, — Кейси посмотрела на меня. — А что на карточке в кошельке?

— Экстренная контактная информация, моя группа крови, бла-бла.

Ее взгляд давил на меня.

— Бла-бла?

— Что делать, если я попаду в беду.

Она кивнула. Сейчас она спросит, в какие неприятности я могу попасть, и я придумаю что-нибудь о побочных эффектах лекарств, про что гораздо лучше услышать, чем про полную остановку сердца.

Но вместо этого она спросила:

— Это было недавно?

— Почти полтора года назад.

Ее глаза расширились:

— Это совсем недавно. — Она отпустила бирку, и ее ладонь

легла на мою. Застывшее, тихое мгновение, затем ее ладонь скользнула к моей ладони. Ее пальцы сомкнулись вокруг моих и замерли. Я смотрел, как мой большой палец опустился на костяшки ее пальцев и медленно погладил их.

Официантка вернулась с кофе без кофеина. Выражение ее лица было кислым, пока она не увидела наши руки. Она улыбнулась и наполнила мою чашку.

– Мне очень жаль все это слышать, – сказала Кейси, когда официантка отошла. Она в последний раз сжала мои пальцы и отпустила. Я растерянно положил свою опустевшую ладонь на колени.

– Мне тоже.

Кейси поиграла ложкой:

– Об этом трудно говорить?

– Да, – признался я. – Только самые близкие мне люди знают.

– А я новичок, врывающийся в твое личное пространство и задающий всевозможные вопросы.

– Да, – сказал я, – ты чертовски любопытная.

Она пронзительно вскрикнула и швырнула в меня картошкой фри. Я рассмеялся и собрал соломинки с колен.

– Подожди, черт! Ты не можешь это есть! – Кейси потянулась через стол, чтобы забрать обратно.

– Я чуть не ошпарилась кофе не для того, чтобы ты съел жареное.

– Ваша жертва отмечена должным образом. – Я запих-

нул все это в рот и чуть не застонал от восторга. Я и забыл, как хороша может быть жареная картошка. Соленая, жирная, безупречная. — Господи, как вкусно.

Кейси отодвинула свою тарелку подальше от меня.

— Это все, что тебе полагается, приятель. Я не собираюсь отвечать за нарушение твоей диеты. Я ведь уже нарушила твой распорядок, о котором ты все время говоришь, верно? Я плохо на тебя влияю...

Я перестал смеяться, а улыбка застыла. Она была права. За один обед Кейси не только нарушила мою диету, но и пошатнула тщательно продуманный распорядок дня. Она не просто отнимала у меня время, которое можно было провести в горячем цехе. Дело было в другом. Обед. Легкий смех и разговоры. Раскрытие друг другу секретов. Пальцы, мягкие касания...

Это был запретный пункт в меню.

Это было плохо для моего сердца.

Я вытер рот салфеткой и положил ее на стол.

— Да, кстати, о моем расписании, — сказал я, — у меня всего несколько часов до начала смены в А-1, а у тебя сегодня шоу. Мы должны вернуть тебя в Саммерлин.

Улыбка Кейси исчезла, и она вздернула подбородок, заметив очевидную перемену в моем поведении.

— О, конечно. — Светящийся огонек потух. — Как скажешь.

Глава 8. Джона

Мы вернулись к моему дому, чтобы Кейси могла забрать бюстье и остатки ажурных чулок. Но когда я въехал на стоянку, она не вышла из машины, а просто сидела, не двигаясь.

– Выбрось это дурацкое бюстье, – сказала она, наконец.

– Ты уверена?

– Просто поехали, – сказала она, но это прозвучало скорее как «Давай просто покончим с этим».

Обратно в дом Саммерлин мы ехали в тишине. Я остановил машину на круговой подъездной дорожке. Кейси выбралась из фургона и встала лицом к дому.

– Чертовски ненавижу Лас-Вегас, – пробормотала она так тихо, что я едва расслышал. Она повернулась ко мне и наклонилась к пассажирскому окну:

– Спасибо, что позаботился обо мне вчера вечером.

– Без проблем, – ответил я.

«Скажи что-нибудь еще. Скажи что-нибудь получше».

Слова застряли у меня в горле.

– И спасибо, что заплатил за обед. Предполагалось, что я угощаю, но у меня не было с собой денег. Естественно. – Она покачала головой. – Если ты подождешь секунду, я сбегаю за деньгами.

– Забудь об этом. Я впервые за год съел жареную картошку. Это стоит двадцати заплаченных баксов.

Она подняла на меня глаза.

– И за это тоже спасибо.

– Что? За то, что я съел картошку?

– За то, что подбодрил меня. Каждый раз, когда я чувствую себя немного подавленной, ты шутишь, чтобы поднять настроение.

Я кивнул, как немой идиот, не уверенный, какие слова вырвутся из моего рта – шутка или правда: заставить ее смеяться было все равно что сорвать мини-джекпот.

Она переступила с ноги на ногу.

– Ладно, хорошо. Мне пора возвращаться.

– Взорви сцену сегодня, – наконец, выдавил я.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказала она со слабым смешком.

Она начала закрывать дверь, но остановилась.

– Спасибо, что был хорошим парнем, Джона. В мире таких, как ты, – единицы.

Она закрыла дверь и пошла прочь. Ее светлые волосы блистали на солнце, как стекло. Я смотрел, как она идет к двери – чтобы убедиться, что она в порядке; убеждал себя, что именно для этого ждал, пока она не исчезнет в темноте холла. Дом поглотил ее, дверь за ней захлопнулась.

Без Кейси в моей квартире было душно и тесно. И тихо. Неужели здесь всегда было так тихо? Я подошел к дивану, чтобы сложить плед, ощутил остатки духов Кейси и чуть не поднес эту чертову штуку к носу, чтобы вдохнуть аромат.

«У тебя нет на это времени».

Мне нужно было восстановить свои укрепления, заново выковать броню, чтобы дожить до октября. Я должен был стереть прошлую ночь и сегодняшний день, похоронить вместе с воспоминаниями о глазах Кейси, о том, как вид ее обнаженных бедер, обтянутых короткой юбкой, пробудил во мне физическое желание, которое я отрицал до сих пор...

Молча извинившись перед умершей бабушкой, я скомкал плед и бросил его в шкаф. Теперь нужно было как-то справиться с возбуждением, поэтому я принял очень холодный

душ.

После этого я стоял в своей тихой кухне, попивая остатки отвратительного протеинового коктейля, который не шел ни в какое сравнение с жареным картофелем, которым Кейси забросала меня.

«Ради всего святого, забудь об этом».

Думать о ней или о любой другой женщине было пустой тратой времени. Я не был из тех парней, которые любят секс на одну ночь. Мне никогда это не нравилось, а о начале отношений сейчас не могло быть и речи. Ни с Кейси Доусон, ни с кем другим.

«Больше не приглашай красивых женщин к себе домой или даже на обед. Больше нет».

Я проверил телефон: было пять часов вечера, суббота, и я был одет для работы. У меня было два сообщения от Тео и голосовое сообщение от отца, как обычно. Завтра я проведу весь день в мастерской, а потом поужинаю с семьей. Все как положено. Мой распорядок немного пошатнулся, но не рухнул.

По пути к двери я подхватил бюстье Кейси и ее порванные рыболовные сети, а потом бросил их в мусорный контейнер на стоянке.

– Теперь мы возвращаемся к регулярной программе, Джона.

Моего босса, Гарри Келтона, не было, когда я возвращал машину, взятую вчера вечером, но теперь он был на месте. Я подозревал, что он хотел повторить еще раз при личной встрече, что возить пьяных девушек домой не входило в мои обязанности.

– Флетчер, – сказал он вместо приветствия и вытащил документы для сегодняшней работы из беспорядочной груды бумаг на своем столе. Он бросил мне связку ключей от машины. Я поймал их одной рукой, изучая ночное задание под мерцающими флуоресцентными лампами. Я не верил своим глазам.

– Rapid Confession, опять?
«Кейси».

Гарри сцепил руки за головой, показав свои мокрые под-

мышки.

– Их менеджер спрашивал о тебе.

– После вчерашнего вечера?

– Я думаю, он простил тебя, – сказал Гарри. – Повезло.

Они хорошие клиенты.

Я разочарованно покачал головой.

– Мало везения, если он все еще злится и попытается снова зажать чаевые.

– Ты бросил их вчера вечером, – сказал Гарри, наклоняясь вперед и тыча толстым пальцем в грудку бумаг на столе, – мне повезло, что он забронировал и оплатил еще один рейс. Он вполне мог бы отменить вчерашний платеж, не говоря о чаевых, – он откинулся на спинку стула, отчего тот заскрипел. – Беспроигрышно для нас обоих, Флетчер. Я не подставляю его, а ты получаешь второй шанс.

– Босс...

Гарри ткнул пальцем в мою сторону:

– Ты мой лучший водитель, Джона, но я не слишком доволен прошлой ночью. Возьми этот заказ, если хочешь продолжать работать здесь.

Я вышел из кабинета Гарри в оцепенении, его слова эхом отдавались в моей голове.

«Второй шанс...»

– Черт возьми, – пробормотал я и почти развернулся, собираясь ворваться обратно в офис и сказать Гарри, чтобы он забыл и пусть кто-то другой берет это задание. Вот только

Гарри был готов в любой момент уволить меня, а я не мог позволить себе потерять работу.

Я прошел через гараж, мимо рядов черных и белых лимузинов, линкольнов и седанов, подбадривая себя:

«Я могу быть профессионалом. Я сделаю свою работу и переживу эту ночь».

– Привет, Флетчер...

Я обернулся и увидел Кайла Портера, другого водителя, направлявшегося к своей машине.

– Слышал, что ты получил Rapid Confession. Дважды удачливый засранец. Цыпочка гитаристка чертовски горяча.

Я забрался за руль своей черной машины и захлопнул дверцу:

– Ну да, мне-то не рассказывай.

К шести часам я вернулся в резиденцию Саммерлин и припарковался на круговой подъездной дорожке, ожидая появления группы. Солнце только начало садиться, окрашивая небо на западном горизонте в оранжевые и пурпурные тона. Обычно я изучал игру света, думая, как воспроизвести эти цвета в водоворотах расплавленного стекла. Но я был слишком рассеян. Что я собирался ей сказать? Пошутить? Заставить ее улыбаться и смеяться? Или просто казаться крутым парнем. Придерживайся распорядка...

– Ты!

Я вырвался из круговорота мыслей и увидел группу и их менеджера, с сумками в руках, почти у самой машины. И Кейси...

Она подскочила ко мне, одетая в леггинсы, ботильоны и огромную черную футболку с Зигги Стардастом¹⁴. Ее волосы были собраны на макушке в неряшливый узел, а лицо было очищено от макияжа и светилось от радости и облегчения, что заставило мое позаимствованное сердце биться быстрее.

Она уперла руки в бока, одарив меня игривым, лукавым взглядом.

– Ты что, преследуешь меня?

Прежде чем я успел ответить, Джимми Рэй скользнул к Кейси и приобнял ее за плечи.

¹⁴ Зигги Стардаст – вымышленный персонаж, созданный Дэвидом Боуи, являющийся центральной фигурой его концептуального глэм-рока.

– Значит, это тот самый водитель-герой, который заботился о моей девочке прошлой ночью. Я нанял его снова, котенок, в качестве личной благодарности, – он подмигнул мне, – она просто маленькое наказание, не правда ли?

За полгода работы водителем лимузина в Вегасе я миллион раз видел таких придурков. Я всегда относился к ним с отстраненной вежливостью. Но рука Джимми зависла над грудью Кейси, и желание ударить его по самодовольной физиономии накрыло меня волной.

– Давай, иди, – сказал Джимми Кейси. Он опустил руку и легонько шлепнул ее по заднице, чтобы она поторопилась сесть в лимузин.

Смущенная улыбка мелькнула на губах Кейси, она не взглянула на меня, когда забиралась внутрь машины.

Джимми Рэй протянул мне руку, и я по профессиональной привычке пожал ее.

– Тебе все прощается, приятель, – он притянул меня к себе. – Надеюсь, ты хорошо провел время с моей девочкой вчера вечером, но ты же не собираешься превращать это в привычку, да? Не изнашивай товар.

Его рука выскользнула из моей, оставив в ладони stodоларовую купюру.

Я скомкал деньги в кулаке, когда он забрался на заднее сиденье. Только угроза потерять работу удержала меня, чтобы не бросить их к его ногам. Я с силой захлопнул дверцу лимузина и загрузил сумки группы в багажник.

Оказавшись за рулем, я пытался найти Кейси в зеркале заднего вида, но перегородка поднялась, заглушая звуки громких голосов и смех. Я выехал из Саммерлин и поехал прямо к бульвару Стрип, уже сверкающему в сгущающихся сумерках.

Чуть восточнее «Фламинго», рядом с конференц-центром, я свернул с бульвара и, как и накануне вечером, подъехал к задней стоянке у клуба Pony. Я открывал двери и выгружал сумки одну за другой, как и вчера. Но сейчас я остро ощущал, что Кейси стоит позади, ожидая своей очереди. Она подошла последней, и я повернулся, чтобы передать ей вещи. Ее глаза были лазурно-голубыми и казались электрическими в тусклом янтарном свете уличного фонаря, мерцавшего над нами.

– Так Джимми попросил тебя лично? – тихо сказала она, когда остальные вошли в заднюю дверь.

– Да.

– Надеюсь, он не вел себя с тобой как полный придурок. Он может быть...

– Мудаком?

– Да. Но он хороший менеджер.

Я закрыл багажник.

– Это все, что имеет значение.

Одна из участниц группы, девушка с иссиня-черными волосами, высунула голову из задней двери.

– Кейс?

– Иду! – Крикнула Кейси через плечо. – Это Лола, моя лучшая подруга. Она втянула меня в эту группу. Если бы не она, я бы, наверное, сейчас скиталась по улицам. Я не могу ее подвести, понимаешь?

Она говорила так, словно старалась подготовить себя сделать что-то пугающее. Инстинктивно мне захотелось утешить или защитить ее, но от чего? Как?

– Я могу помочь? – выпалил я.

– Ты будешь здесь после представления? – спросила она, ее лицо, озаренное грустной улыбкой, было открытым и полным надежды.

– Да, Кейси. Я буду здесь, – мягко сказал я, – отвезу тебя домой.

– Я так рада, – она переминалась с ноги на ногу, стараясь не встречаться со мной взглядом. – Поговаривают о вечеринке в Саммерлине после шоу. Туда приедет тонна людей... ребята с разогрева. Ты должен прийти. Я имею в виду, если ты хочешь. Если тебе можно.

Нам не разрешалось общаться с нашими пассажирами, но желание защитить ее было очень сильным, поэтому и политика компании, мои строгие правила в отношении распорядка дня перестали меня заботить.

Ее подруга Лола снова появилась из двери.

– Кейси! Ты не заставишь нас снова опоздать, милая. Я серьезно.

– Мне надо идти. – Кейси потянулась и сжала мою руку. –

Увидимся позже?

Она поспешила присоединиться к группе, а я попытался представить себе эту девушку, играющую на электрогитаре на сцене перед кричащей публикой. Она будто была готова расколоться надвое, и кроме подруги с двухцветными волосами, казалось, что во всем мире у нее не было ни одного гребаного близкого человека, который помог бы ей оставаться на плаву.

Я вытер руку о карман форменных брюк, как будто мог стереть ее прикосновение и чувства, которые оно пробудило, но я все еще ощущал касание ее мягкой кожи.

Я скользнул за руль, чтобы переждать шоу. Очередь лимузинов за моей спиной росла, и я готов был поспорить, что среди водителей был Тревор – сидел в форменной куртке на жаре.

В отличие от вчерашнего однообразия, эта ночь была нервной. Я надеялся, что с Кейси все в порядке, и злился на себя за волнение. Каждый приглушенный всплеск шума толпы заставлял меня вздрагивать, и я напряженно ждал, что Хьюго снова выскочит из задней двери с Кейси на руках.

Через два часа моя нервозность сменилась тупой болью в животе. Бездомный подошел и попросил мелочь. Я протянул ему смятую стодолларовую купюру, которую дал мне Джими. В глазах бродяги читалась лишь глубокая усталость. Он в изумлении уставился на деньги и одарил меня щербатой улыбкой, полной облегчения, прежде чем скользнуть обрат-

но в ночь.

Лучшее применение ста баксов за всю мою жизнь.

Было около одиннадцати, когда шоу закончилось. Через переулок, который вел на главную улицу, я увидел поток посетителей, выходящих наружу. Я снова надел куртку и стал ждать, когда у двери лимузина появится группа.

Час спустя я все еще ждал, обливаясь потом в куртке, прямо как Тревор.

Наконец, дверь распахнулась, оттуда, пошатываясь, вывалились Rapid Confession и ребята с разогрева. Все пьяные, громкие и хохочущие, под кайфом от шоу. Я искал Кейси. Она была в концертной одежде: черные облегающие кожаные брюки и черный топ с глубоким вырезом, открывающий долину гладкой кожи между мягкими изгибами груди. Татуировки на ее руках резко выделялись на фоне бледной кожи, волосы были беспорядочно уложены, завитки свободно падали, обрамляя лицо.

Кейси выглядела измотанной после шоу – потной, растрепанной и пьяной. Барабанщик из разогрева обвинил рукой ее шею. Они шли спотыкаясь и шатаясь. Когда Кейси не слишком грациозно забралась в лимузин, ее взгляд, остекленевший от выпивки, встретился с моим. Она слабо улыбнулась, прежде чем исчезнуть внутри машины.

Джимми и менеджер другой группы втиснулись последними, даже не взглянув в мою сторону. Я закрыл за ними дверь, заглушая какофонию смеха и громких голосов.

По дороге в Саммерлин мой взгляд то и дело останавливался на зеркале заднего вида, и дважды я чудом избежал столкновения с машиной впереди. Но пока перегородка была опущена, я пытался мельком увидеть Кейси, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

«Почему тебя это волнует? Она же рок-звезда. Это то, что они делают».

Но мне было не все равно. Прошлой ночью она напилась до беспамятства, и сегодня снова. За обедом она сказала, что боится, но чего? Бесконечных вечеринок? Или чего-то еще? И почему за эти двадцать четыре часа ее страхи стали так важны для меня?

Машина с визгом въехала на круговую подъездную дорожку розового дворца Саммерлин. На этот раз в каждом окне горел свет. Когда я открыл дверцу лимузина, оттуда вывалился клубок из переплетенных тел и смеха. Я рискнул предположить, что мини-бар был опустошен вплоть до кубиков льда.

Барабанщик разогрева был увлечен Кейси, и когда группа двинулась к дому, я наблюдал, как она пытается оттолкнуть его.

– Отстань, – сказала она и отшатнулась. Парень засмеялся и сказал что-то, чего я не расслышал. Он снова придвинулся к ней, обвив рукой ее талию, чтобы притянуть к себе.

– Нет, – сказала она глухо, касаясь груди парня, который прижимал ее ближе. Его голова наклонилась, губы коснулись

ее шеи, а другая рука скользнула к груди.

– Райан... Стоп...

– Эй! – подруга Кейси, Лола, отстранилась от своего парня и шатающейся походкой пошла к ней, чтобы помочь.

Я был быстрее.

Я схватил барабанщика за плечо и оттолкнул от Кейси так сильно, что он споткнулся и приземлился на задницу.

– Она сказала, прекрати, придурок, – сказал я. Барабанщик вскочил на ноги, выражение его лица сменилось с растерянного на шокированное и гневное. Я посмотрел на него сверху вниз, и когда Кейси рухнула на меня, уткнувшись лицом в мою куртку, я приобнял ее одной рукой.

– Кто ты, черт тебя дери, такой? – губы барабанщика скривились в усмешке. – Водитель...

– Ладно, ладно, – сказал Джимми Рэй, вставая между нами, – давайте все успокоимся. Мы все здесь друзья...

– Черта с два, – сказал я, не сводя глаз с Райана. Одной рукой я крепко держал Кейси, а другую сжал в кулак. Адреналин бежал по моим венам, и это было чертовски здорово и безрассудно. Я не был жестоким парнем, но если этот ублюдок хотел драки, я был готов.

Участники группы, подгоняемые Джимми, двинулись к дому. Райан был слишком пьян, чтобы драться, и, я думаю, знал это. Он показал мне средний палец и позволил своим товарищам увести себя. Лола осталась позади.

– У нас все хорошо? – спросил Джимми. – Ты в порядке, котенок?

Кейси отстранилась, но осталась рядом, держась за манжету моей куртки. Она натянуто улыбнулась.

– Конечно, Джимми. Я в порядке.

– Ни хрена подобного, – сказала Лола, свирепо глядя на своего менеджера, – если Райан снова прикоснется к ней, я отрежу ему член. Избавься от них, Джимми. Найди еще одну группу для разогрева.

Мне нравилась Лола.

Кейси махнула рукой.

– Нет-нет, ничего страшного. Все нормально...

– Нет, не нормально, – сказал я.

Джимми потер подбородок.

– Это что-то серьезное? Мы должны решить это прямо сейчас? На эту вечеринку придет сотня человек...

Пока он говорил, подъезжали другие машины, такси и лимузины – непрерывный поток. Если я не уберу лимузин в ближайшее время, мне будет не выехать.

Я посмотрел на Кейси сверху вниз. Она была пьяна, и если я позволю ей войти в этот дом, она напьется еще больше. Или отключится. Райан все равно мог позволить себе взять то, что ему нужно, а в большом доме, где бушует вечеринка, кто знает, что могло произойти?

«Придерживайся расписания», – подумал я, а мои руки двигались сами по себе. Я взял лицо Кейси и осторожно на-

клонил, заставляя ее посмотреть на меня. Ее пухлые губы, подкрашенные красной помадой, дрожали. Темный макияж превратил глаза в сапфиры, бледно-голубые с более темным кольцом вокруг радужки. Раньше я этого не замечал. Красивая. Ей здесь не место.

– Ты хочешь уйти? – спросил я.

Ее глаза смотрели прямо в мои, но я не заметил в них того блеска, который увидел во время обеда. Однако ее голос был тверд, когда она ответила:

– Да, хочу.

Я улыбнулся ей, странно гордый.

– Будет исполнено.

Ее остекленевшие глаза расширились от удивления, затем, обдав меня пропитанным виски дыханием, она прижалась ко мне.

– Все хорошо, Джимми, – пробормотала она. – Джона... Он так добр ко мне.

Я проводил ее до переднего сиденья лимузина и помог сесть. Ее голова откинулась на подголовник, глаза закрылись, и я пристегнул ее ремнем безопасности.

– Соберешь ей сумку? – попросил я Лолу, закрывая дверь.

Она прищурилась, оценивая меня, затем кивнула и вошла в дом.

Джимми посмотрел ей вслед, потом повернулся ко мне.

– «Соберешь сумку»?

– Она поживет у меня несколько дней, – сказал я.

Он шумно выдохнул:

– Мы уезжаем во вторник.

Джимми тоже был чертовски пьян, но старался делать вид, что контролирует ситуацию.

– У нас впереди еще двадцать пять городов, и она работает по контракту. Просто чтобы ты знал.

– Я знаю это, – сказал я каменным голосом и поднялся на все свои 182 сантиметра, возвышаясь над ним. – Она решила отдохнуть от сцены.

«И что потом?» – спросил меня предостерегающий голос. Я проигнорировал его.

– Перерыв... Хорошо. – Джимми закурил и ткнул в меня двумя пальцами, между которыми сжимал сигарету. – Я знаю, где ты работаешь. Если хочешь сохранить свою работу, позаботься о ней.

– Сделаю это лучше вас.

– Ты думаешь, что ты для нее особенный? Ее герой? – он фыркнул от смеха. – Сними номер, приятель.

Он отступил в дом, который быстро заполнялся людьми. Лола вернулась с вещевой сумкой и небольшим кожаным рюкзаком. Я взял их и подошел к багажнику.

– А в чем тут дело? – спросила Лола. – Вы двое?..

– Нет, – я бросил сумки в багажник. – Ей нужно немного отдохнуть. Очевидно.

– Значит, она отдохнет несколько дней на твоём диване, а потом присоединится к нам, прежде чем мы покинем Вегас?

– Таков план, – я захлопнул крышку багажника, – если ты беспокоишься, в безопасности ли она со мной, то да. Я клянусь своей жизнью, что никогда не причиню ей боль, хорошо?

Лола медленно кивнула.

– Ладно, хорошо. Возможно, так будет даже лучше – хорошо бы ей оставаться трезвой в течение сорока восьми часов подряд. Я люблю ее до безумия, но она просто гребаная идиотка. Это наш большой прорыв. Вернее, мой большой прорыв, и если она соберется и будет держать себя в руках, она увидит, что это и ее успех.

«Сомневаюсь».

Я пересел на водительское место.

– Я позвоню ей, – сказала Лола, следуя за мной. – Чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

– Надеюсь, что так и будет, – ответил я и захлопнул дверь.

В лимузине быстро не поездишь, но мне удалось чуть разогнаться, и розовый дворец исчез из вида.

Я поехал обратно в А-1, чтобы вернуть машину. Мне пришлось тащить Кейси через весь гараж к своему грузовику. Каким-то чудом нас никто не увидел. Вернувшись к себе, я снова вспомнил прошлую ночь, только от Кейси не пахло блевотиной и дымом. Запахи ее духов, пота и виски наполнили меня, когда я вытащил ее из грузовика.

На этот раз она не была в отключке, а плавала в опьянении – иногда глубоко под водой, едва держась на ногах, иногда поднималась на поверхность, способная идти со мной. Дважды она обвивала руками мою шею и шептала на ухо, как она благодарна, что я спас ее. Моя кожа покрылась мурашками, и пах напрягся, когда я пытался уложить ее в кровать.

– Джона, – вздохнула она, прижимаясь ко мне, пытаюсь притянуть к себе на кровать. – Ты так добр ко мне. Послед-

ний хороший человек на земле.

– Кейси, подожди...

Я попытался осторожно высвободить свою шею из ее рук, но она была настойчива. Ее губы коснулись моей кожи над воротником формы. Теплые, влажные поцелуи под ухом, а потом ее зубы коснулись мочки, и мне пришлось стиснуть губы. Она лизала и дразнила, меня втягивало внутрь ее рта, словно гравитацией, я готов был рухнуть на нее, в нее. Мои руки жаждали мягкости ее кожи и волос, полного изгиба ее груди под моей ладонью.

– Кейси, – сказал я, – мы не можем...

– Мы можем, – шепот раздался у моей щеки. Ее губы двигались вдоль моей челюсти, оставляя след на коже – за это время я почти забыл, что значит прикосновение женщины. Она запустила руки мне в волосы, из ее горла вырвались тихие хриплые звуки желания. Ее рот почти нашел мой, когда острый запах виски обжег меня, заставив отвернуться, как от пощечины.

«Какого черта ты делаешь?»

Я отстранился прежде, чем ее губы нашли мои, и высвободился из ее объятий.

– Ты совсем не веселый, – пробормотала она, а затем вытянула руки над головой, обхватив пальцами деревянную раму кровати. Ее груди упирались в тонкую блестящую ткань черного топа.

– Не будь таким. Иди в кровать, детка.

Реальность словно окатила меня ведром ледяной воды.

«Сейчас на моем месте мог быть кто угодно».

– Тебе нужно отоспаться, – резко сказал я. Я расстегнул сумку, которую Лола упаковала, и стал рыться внутри, пока не нашел футболку и пару мягких шорт. Положил их на кровать и направился к двери.

Не успел я выключить свет, как до меня донесся ее голос, тонкий и хрупкий в темноте:

– Подожди. Джона?..

Я остановился, но не обернулся, мои плечи поникли.

– Да?

– Останься. Потолок... он вращается...

«Не делай этого».

Но я сделал. Втянулся.

Развернувшись, медленно пошел обратно к кровати. Единственный свет шел с улицы, отбрасывал серебристый отблеск на кровать, на ее волосы, выбившиеся из узла на голове. Она протянула руку. Взяв ее, я сел рядом. Она протянула руку. Взяв ее, я сел рядом.

Кейси придвинулась поближе, прижалась щекой к моему бедру и обхватила руками колени.

– Где я? – произнесла она немного невнятно, слабея по мере того, как сон забирал ее, – где я, Джона?

– Ты в безопасности, Кейси, – пробормотал я. Немного подержал ее в объятиях, потом помог переодеться в удобную одежду, стараясь по возможности не смотреть на ее бледное, гладкое тело, распростертое передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.